

Регина
Андреева

Ошидка
ПЕРЕВОДЧИЦЫ

Регина Андреева

Ошибка переводчицы

«Автор»

2024

Андреева Р.

Ошибка переводчицы / Р. Андреева — «Автор», 2024

На международной встрече переводчица допустила ошибку. Маленькая оговорка привела к стремительному объявлению войны. Теперь Империя и Федерация, враждующие много лет, столкнутся на поле боя, и виной всему одно неосторожное слово. Моё слово. Время не повернуть вспять, ошибку не исправить, хотя один вариант всё-таки есть - сложный, опасный, слегка сумасшедший, но правильный. Бросив привычную жизнь, я отправляюсь туда, куда ведет голос совести.

© Андреева Р., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1. Роковая ошибка	5
Глава 2. Бегство	11
Глава 3. В военном лагере	18
Глава 4. Путь в Ватарну	26
Глава 5. Галлюцинации	31
Глава 6. Цвет магии	34
Глава 7. Откровения	42
Глава 8. Яд	47
Г	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Регина Андреева

Ошибка переводчицы

Глава 1. Роковая ошибка

– Вы понимаете, как звучит ваше предложение? – грозный рык посла империи сдул любопытных репортеров к стенке. Люди с разных концов земли с ушами и блокнотами обеспечивали публичность встречи, но подходить близко к важным гостям, по правде, не разрешалось.

Шепот стих быстро. Смотреть никто не запрещал. Цепкие взгляды сосредоточились на гостях в центре зала.

За столом переговоров сидели трое, среди которых мне, переводчице, было предложено место посередине. Между послом империи и послом федерации.

Строгое платье, тугая коса, вежливая улыбка, тактичность и мастерство – я была идеальной переводчицей для сегодняшней встречи, по мнению послов.

Среди кандидатов были переводчики намного старше и опытнее, но одним из критериев выбора, что странно, была молодость. Дома отец попытался объяснить их мотивы. Им нужен был предельно нейтральный молодой переводчик, непредвзятый, аполитичный, еще не успевший обзавестись связями и знакомствами в политических кругах. А что взять со вчерашней студентки?

Послы были одного возраста, про который говорят: "Амбиций хоть отбавляй, а здоровье уже не то".

От грузного посла империи веяло авторитетом. Еще при первой встрече мне показалось, что он из военных. Я видела их в своей жизни не так много, но все они выделялись. Походкой, тяжелой от груза ответственности. Осанкой, ровной, как армейское ружьё. Взглядом, от которого хочется выпрямиться и соглашаться со всем, что тебе говорят.

Напротив, сублильный посол федерации казался на этой встрече невзрачным. Даже сияющее драгоценное пальто из жидкого шелка не помогло ему произвести и десятой части того впечатления, которое вызывал посол империи одной своей манерой отдавать команды движением кисти.

– Наша принцесса – не разменная монета! Сделки не будет, – отрезал посол империи и махнул мне рукой, чтобы я перевела.

Переговоры зашли в тупик, а договориться было надо. Весь мир следил, к чему в итоге придут две крупнейшие державы в своем многовековом споре. Нет, принцесса вовсе не так стара. Истинную первопричину разногласий давно забыли. Каждые пять лет империя и федерация вынужденно встречались за столом переговоров и высказывали друг другу все новые претензии. В этот раз они касались территориальной принадлежности островов Астра Снежная и Астра Южная.

– Интересно получается, – задумчиво протянул посол федерации. – Вы хотите получить острова, которые принадлежат федерации по праву, но ничего не предлагаете взамен. Торговля так не работает.

– Торгаши! – плюнул посол империи. – А о деле кто подумает? Астра Снежная пухнет от железной руды, а какие ресурсы скрыты на Южной? Мы вдоволь насмотрелись, как вы нерационально используете эти площади. Сами не разрабатываете и другим не даете. Пустить туда наши бригады – эх!

– На чужой кусок не разевай роток.

Посол империи даже присел.

– Вы смеете?

Госпожа Лидия возле двери активно замахала, привлекая мое внимание. В прошлом переводчица, сейчас она занималась организацией подобных встреч. Госпоже Лидии доверяли, а она доверяла мне.

Практиковала я всего год, в основном, в делах торговых. Работодатели оказались щедры на благодарность и письменные рекомендации. Их можно понять, к двадцати годам я знала пять современных языков и один древний.

Отец поначалу хвалился моими успехами, а потом схватился за голову. Не хотел он мне такого будущего. Ученый в прошлом, он ждал, что я пойду по его стопам. Сначала в скромные ассистенты, затем в лабораторию, к зрелому возрасту возглавлю один из институтов и буду жить богато и размеренно, в безопасности за стеклом.

Не сложилось. Ему было не унять детскую любознательность. Еще в детстве он объяснил мне, что покидать Дашкент нельзя, у нас это не принято. Но можно изучать соседние страны другим путем – через их языки. Благо библиотек в Дашкенте более чем достаточно. Так начались первые попытки познания мира, которые в итоге привели меня сюда, во главу круглого стола. На самые важные переговоры нашего века: встречу посла империи с послом федерации.

– Уважаемые гости, – я вежливо сверкнула ровным рядом зубов, – прошу вас обозначить свои требования более корректно.

Посол империи сложил руки крест-накрест.

– Наше требование я обозначил ясно. Федерация должна передать нам острова Астра Снежная и Астра Южная в безвременное пользование. Взамен мы готовы открыть границы для торговли. Это достаточно весомое предложение для торгового государства, как ваше?

– Хм, – посол федерации сделал вид, что задумался. На самом деле он в сфере переговоров был не новичок. Он отвечал так быстро и емко, будто ответы заранее подготовлены. – Мы ведем торговлю по всему миру, кроме территории империи. Это, конечно, большое упущение. Для империи. Федерация от этого не страдает.

– Тогда что вам нужно? Острова вам, очевидно, не нужны.

– Почему же? Территорию островов мы давно сдаем в аренду. Это выгоднее, чем уstraивать там грязные шахты. Вы поняли бы это, если бы имели экономическое образование.

Посол империи вскочил и сжал кулаки, будто собирался ударить оппонента.

– Уважаемые! – я громко опустила ладони на стол переговоров. – Прошу, сядьте.

Я повторила просьбу на обоих языках и чуть не потеряла следующую мысль.

В глазах резко помутнело.

Непрозрачная дымка окутала послов, застилая даже лица. Вокруг посла империи дым переливался белым, а вокруг посла федерации отливало голубым. Это было настолько же странно, насколько привычно. Приступы случались всё чаще, а лекарство было только одно.

Как же не вовремя! Я незаметно нырнула в сумку, нащупала баночку и одной рукой вынула две таблетки.

"Для ясности ума", – как говорил отец.

Спустя минуту дым перед глазами впитался в пространство, и все снова стало как обычно. К счастью, моего бегства под стол послы не заметили, оба были увлечены размышлениями.

– Острова Астра Снежная и Астра Южная будут ваши при одном условии, – решил посол федерации, и я поспешила перевести радостную новость. Он пошел на уступку, неожиданное и очень важное решение, касающееся всех стран мира.

Напряженность на границах надоела. Запрет на торговлю, запрет на туризм, запрет на научный обмен. Со стороны всегда виднее. И мы, уроженцы крохотного Дашкента, видели, что империя и федерация этими запретами только тормозят развитие друг друга. Намного выгоднее и экономически, и практически было бы работать сообща. Не удивительно, что другие

страны преуспели в науке и технологиях намного больше, чем наши гиганты. Хотя сами державы глупее других себя не считали.

Посол федерации продолжал:

– Острова будут ваши. Взамен Федерация объединенных земель рассчитывает на гарантию вечного мира для нас, наших потомков и их потомков. Брак принцессы империи с сыном федерации – вышеупомянутый гарант мира. Таким образом, мы готовы *купить* вашу принцессу за острова Астра Снежная и Астра Южная.

Я скрупулезно перевела слова посла.

– Купить принцессу? – посол империи вскинулся. – О чем только думал император! Повторяю еще раз, ни одна из наших принцесс не продается! От имени императора я предложил вам открыть границы, отменить запреты, сделать шаг к миру взамен на острова, которыми вы отнюдь не пользуетесь. В награду вы плюете нам в душу. Император уполномочил меня сделать еще кое-что, если мирным путем решить проблему не получится. Видит Солнцеликая, я пытался!

Я открыла было рот, чтобы образумить посла империи, но было уже поздно.

Махнув рукой, он сделал что-то с пространством. Нам вдруг стало хорошо слышно шепот репортеров, а им, похоже, стало хорошо слышно нас.

– Сегодня, – обратился посол империи к публике, и я начала синхронный перевод с имперского на дашкентский, – мы, Агенорская империя, прозрели. Федерация потеряла уважение к общечеловеческим ценностям. Семья, мир, радость простых людей – для них только средство обогащения. Переговоры это подтвердили. С прискорбием сообщая, от имени императора Стефана я объявляю войну Федерации объединенных земель! Мы не заставим принцессу, бедную девочку, быть разменной монетой в угоду торгашам. Мы получим острова силой и верой в правду. Истина на нашей стороне. Сим завершаю встречу.

Когда посол империи замолчал, в зале воцарилась тишина. Никто не мог поверить в услышанное. Война? Какая еще война? Что это значит?

Глаза защипало. Я не сразу поняла, что это по моим щекам катятся слезы. Все должно было закончиться не так!

Зашуршал плащ, тяжелые армейские шаги удалились. Посол империи покинул зал. Массовый ступор прошел, всех разом отпустило. Репортеры вмиг засуетились, не зная, бежать за послом империи или не бежать. Его прощальный взгляд был страшен.

Совсем неприлично я шмыгнула носом и с мольбой посмотрела на все еще сидящего рядом посла федерации. Закрыв глаза, он хмурился. Ему казалось, он просчитал все варианты. Но открытое объявление войны? К такому он был не готов.

– Давайте я спрячу вас на балконе, – я потянула посла за локоть. Репортеры вот-вот прорвутся, а он явно был не готов сейчас говорить. Да и я тоже. Посмотрев на меня стеклянным взглядом, он поддался и позволил увести его на маленький балкон. Два огромных фикуса скрыли нас от толпы. В паре метров стояли еще два горшка.

Закончив маскировку фикусами, я присела на маленькую табуретку в углу балкона. Мешать не хотелось. Хотелось отмотать время на пять минут назад и все исправить.

Посол шумно вздохнул, позволив себе выругаться на своем языке.

– Спасибо, девушка, – обратился он ко мне. – Простите, я не запомнил имени.

– Элиза.

Теплая рука посла федерации пожала мою холодную.

– Идите в зал, Элиза. Вы замерзли.

– Не беспокойтесь, я хладнокровная, – внимательно посмотрела на посла. – Вы в порядке?

Он горько усмехнулся.

– Сложно держать лицо, когда происходит такое.

– Что вы будете делать?

– А что тут сделаешь, Элиза? – посол федерации снова выругался. – Всё уже сделано. Вернусь домой первым рейсом, хотя весть о войне все равно дойдет раньше меня.

– Простите, – сипло прошептала я.

– Бросьте, вы не виноваты. Вы просто переводчик. Вы не сделали ничего дурного.

Я не отводила взгляд от пола.

– Пора возвращаться. До свидания, Элиза, – посол скрылся за фикусами.

«Что ты наделала?» – в голове прорезался голос совести.

Голос моей совести не похож на мой собственный. Каждый раз, когда он появлялся, я вздрагивала. Он был нечеловеческим, будто из ада. Грудной, уставший и хриплый.

«Исправь ошибку», – захрипела совесть, но гул репортеров из зала ее заглушил.

Выдохнув, я понаблюдала, как изо рта вырывается белое облако и так же быстро исчезает. По телу пронеслись мурашки. И правда – холодно. Мазнув взглядом по суетливым репортерам в зале, я пошла прочь, не оглядываясь.

Дом встретил запахом жареной картошки с луком. Отец никогда не готовил ничего необычного. Его блюда были простые, но отчего-то очень вкусные. Помнится, он говорил, что гениальность рождается из простого.

Я влетела в кухню и без приветствий занялась картошкой. Когда я нервничала, голод разыгрывался не на шутку. Новость о войне отец уже слышал. По природе немногословный, он ни о чем не расспрашивал. Только мне от этого было не легче.

– Ко мне сегодня приходили из института, – завел разговор отец, не поворачиваясь.

– М-м-м, что хотели?

– Пригласили вернуться в институт, на должность старшего научного сотрудника. Вон, буклет оставили.

Отец с подозрением покосился на бумагу в цветах института. Похоже, он к нему не прилагивался. Для чего еще нужна дочь? Я шустро развернула буклет и пробежалась по содержанию.

– О, даже кабинет предлагают?

– Представляешь, да...

Второй и последний кухонный стул скрипнул. Я отвлеклась от буклета.

– Пап, ты не рад? Это ведь такой шанс!

– Не знаю... – он сомневался. – Я столько лет ждал, когда они одумаются и пригласят меня обратно. А они взяли и одумались. Так не бывает, понимаешь?

Подозрительности ему не занимать.

– Тут написано, что институт открывает новый корпус. Может дело в этом. Много вакансий открылось, а ученые со стажем всегда нужны.

– Я сказал, что подумаю, – признался он.

– Соглашайся, пап, – положила руки на его плечи и нервно сжала пальцы.

Отец вздохнул и пододвинул к себе институтский буклет.

Я не сразу поняла, что наступило утро. Серые тучи так лихо затянули небо, что пробиться сквозь них не смогли ни рассветные лучи, ни полуденные. Недобрый ветер распахнул форточку, поднял ворсинки на ковре и добрался-таки до босых пяток.

"Исправь ошибку", – вместе с ветром завыл голос совести.

В Дашкенте погода умеет преподносить сюрпризы. Еще вчера мы ждали, что зацветет сирень, а сегодня щеки колет от мороза.

Пробежавшись на цыпочках по ледяному полу, я закрыла форточку.

Из комнаты отца слышалось копошение, дверца гардероба то и дело стучала. Отец готовился ехать в институт.

– Какая лучше? – помахал он из комнаты двумя рубашками.

– Только не в клетку. Надень ту, солидную, со дня рождения.

Дверца шкафа снова застучала, а я занялась завтраком.

Одно из трех яиц пролетело мимо тарелки и с треском разбилось о деревянный пол. Одно неверное движение – и яйцу конец. Одна ошибка – и страны объявляют друг другу войну. Просто оговорка. Может ли переводчик оговориться? Все ошибаются.

– Что случилось? – в кухонный проем просунулась поседевшая голова.

Не отводя взгляд от разбитого яйца, пробормотала:

– Наверное, мне нужен совет.

– Как приготовить омлет? – попытался пошутить отец, но быстро понял мой настрой и нахмурился.

– Как исправить ошибку, которую, кажется, уже невозможно исправить.

Я со стоном рухнула на табуретку и закрыла лицо руками.

Отец помолчал, оценивая мое состояние.

– Ошибку всегда можно исправить, только если дело не касается смерти.

– Ну, до смерти еще не дошло.

Отец пуше нахмурился.

– Если не в силах сама исправить ситуацию, найди того, кто сможет это сделать. Всегда есть такой человек.

– Это сложно... – поникла я.

Есть один человек, который в силах всё исправить, остановить войну. Правитель Агенорской империи, он же император Стефан Красич. Войну объявил не он, а его посол. Тем проще будет убедить императора отменить это решение.

В учебниках по переводу была скудная информация о действующем правителе империи. Но ее хватало, чтобы сделать кое-какие выводы об этом человеке.

Вдовец, жена умерла, воспитывает трех дочерей. Развил инженерное дело и ремесла в стране до мировых рекордов. Мастера империи – гончары, кузнецы, стеклодувы, керамисты – ценятся. Император поддерживает всех, награждает за выдающиеся успехи. Вообще его личность мне импонировала, в какой-то мере он поощрял исследовательский интерес своих граждан. У нас в Дашкенте подобная система поощрений. Хотя Дашкент всё же специализируется на высоких технологиях, а не на вышивке и рукоделии.

Такой человек, как император Стефан, смог бы остановить войну. Но добраться до него будет крайне сложно. И даже если доберусь, выслушает ли он меня?

Словно отвечая на мой внутренний монолог, отец продолжил:

– Насколько важно исправить эту ошибку? Может все само разрешится?

Я подняла задумчивый взгляд на отца.

– Нет, само нет. Надо исправить всё как можно скорее.

В голове будто вмиг прояснилось. О чем я раньше думала? Мысленно просчитала лучший план действий и заявила:

– Одолжишь Невид-12?

– Лучше возьми 13-ый, – не моргнув глазом, посоветовал отец. – В новой версии я удлинил капюшон и добавил чувствительности к свету. Только будь аккуратнее с нагревательными приборами. Невид-13 – версия экспериментальная. Костюм восприимчив к высокой температуре.

– Без проблем, – я поцеловала отца в щеку и проводила до двери.

Сегодня у него начиналась новая жизнь в качестве штатского институтского ученого, и, честно говоря, он это заслужил.

Отец невероятно талантлив, и, как обычно бывает, недооценен. На заре карьеры он был популярен в ученых кругах. А потом родилась я. Мама ушла, когда мне исполнился год. Отцу пришлось уволиться, а когда я встала на ноги, обратно в институт его уже не взяли. Решили, что ничего нового он уже предложить не сможет. Зря! Даже спустя 19 лет исследовательская жилка не потухла. Когда оставалось время, он мастерил что-нибудь в домашней лаборатории. Между прочим, готовые продукты выходили не хуже институтских. Ему судьбой было предназначено работать ученым.

На душе потеплело. Хоть что-то я сделала правильно. Мечта отца вот-вот осуществится, и он будет счастлив. Жаль, отпраздновать вместе не получится. К вечеру меня здесь не будет.

Мероприятие планировалось рискованное, но с Невидом-13 шансы на успех значительно повышались. Вода, консервы в дорогу, таблетки для ясности ума. Осталась самая малость.

Как покинуть страну, которую покидать не принято? И где найти подходящий для этого транспорт?

Глава 2. Бегство

Ассоциация свободных переводчиков обосновалась на втором этаже здания на Кленовой. На первом разместилось маленькое кафе, которое, казалось, держалось на плаву только благодаря нам. Редко можно было встретить прохожего с улицы. В большинстве своем здесь обедали только переводчики и иногда библиотекари из здания напротив. Тишина и уют пронизывали кафе, а звукоизоляционные перегородки дополнительно защищали уши от внешних раздражителей.

– Отпуск? Ты уверена? – госпожа Лидия вскинула брови.

Мы расположились на полюбившемся месте у окна. Лампа над столом покачивалась, хорошо освещая наши лица.

Когда она качнулась в сторону госпожи Лидии, невольно промелькнула мысль, до чего же она красива. Идеально прямой нос и острые скулы выдавали в ней нашу дашкентскую породу, которой мы гордились и которую восхваляли.

Я же в ее обществе была дворняжкой с улицы – никакой породы. Лицо невыразительное, волосы земляного цвета, вдобавок вьющиеся. Нос походил на вздернутую бусину, а черты лица были слишком мягкие и смазанные. Единственное, что хоть немного привлекало во мне мужчин, глаза, доставшиеся от мамы. При искусственном освещении обычные карие, на свету они давали не то фиолетовый, не то розовый оттенок. Я была благодарна природе за интересный цвет глаз, но лучше бы она дала мне другое.

"Женщина должна быть как идеальная прямая", – писали в журнале "Дашкентская леди". Его постулаты известны всем. Никаких косых, впуклых и выпуклых линий на теле женщины быть не должно. Гордая осанка, прямая фигура, ровные зубы и ноги делали женщину примером для подражания. За лишним весом девочек родители следили с юности, впрочем, как и за всем остальным.

Благо, с весом у меня проблем не было. Но и без этого предательские округлости спереди и сзади коварно выпирали. Мы с отцом ничего лучше не придумали, кроме как скрыть недостатки под мешковатой одеждой. Волосы я привыкла убирать в тугую косу или хвост, так они выглядели прямее. Маскировать комплексы – задача не из легких. А госпоже Лидии это было не нужно. Она могла позволить себе облегающее платье в пол, коим ловила взгляды заинтересованных коллег даже сейчас.

– Уверена, – я строго зыркнула на очередного кобеля-библиотекаря, который уже собирался подойти к нашему столику.

Госпожа Лидия проследила за моим взглядом и довольно хмыкнула. Кокетливо оголив лодыжку, она отвернулась от поклонника и сосредоточилась на разговоре.

– Послушай, Элиза. Ты не виновата, что послы не сошлись характерами. Не бери на свой счет. Негативный опыт – тоже опыт.

– Нет, – постаралась придать голосу уверенности, – мне нужен перерыв. Отец, кстати, нашел работу, с деньгами станет полегче.

– Твое дело, конечно, – нехотя уступила госпожа Лидия. – Захочешь вернуться, только скажи.

Последней ложкой я доела лимонный чизкейк и, глядя на оживленную улицу, сникла. В империи образ жизни отсталый, сколько времени мне придется там провести? Без удобств, без хорошей еды. Не уверена, что готова от всего этого отказаться. Нужно сделать так, чтобы путешествие было максимально коротким и продуктивным. Предотвратить войну – и сразу домой.

Вечер подошел незаметно. Цветущие кусты шиповника вдоль аллеи ловили свет фонарей и тем самым защищали одну переводчицу от глаз охранников. Прячась за шиповником и стараясь не цепляться за ветки, я кралась по газону в сторону взлетной площадки.

Походный рюкзак оставлял синяки на спине и будто сознательно тащил назад. Какой же глупостью было взять с собой толстенную книгу по переводу! Но ведь это был сборник моих личных записей, и расставаться с ними не было никаких сил.

Подобравшись к границе взлетной площадки, я наконец смогла получше рассмотреть свой транспорт. Точнее не мой, а имперского посла.

Небольшой дирижабль имел металлический корсет и мощный винт в хвосте. Крайне маленькая рубка, каюта для двух-трех пассажиров и огромный, раз в пять больше каюты, багажный отсек.

Судно готовилось отлету, который был запланирован ночью. Хотя по оживленным рабочим, которые в суматохе грузили багаж, стало ясно, что не зря я пришла пораньше.

Груза было много. Рабочие то и дело отлучались, чтобы привезти новые ящики. Имперский посол, похоже, скупил половину товаров в дашкентских магазинах! Неожиданно подкатила гордость за родину, но предаваться важности времени не было, ведь в очередной раз рабочие отлучились за партией нового груза.

Шустро расстегнув рюкзак, я достала новейшее папино изобретение – костюм Невид-13. Надевать его пришлось прямо на рюкзак, но места хватило всем. Подогнув штанины, я вытянула руки вперед. Будь сейчас день, вряд ли что-то бы получилось. Фасон хоть и отводил свет, а контуры человека все равно обнаруживались. К счастью, ночью этот недостаток был почти невидим, как была почти невидима я в этом большом закрытом комбинезоне с капюшоном.

Убедившись, что рабочие ушли, я рысью помчалась к дирижаблю, и едва запрыгнула в багажный отсек, как за спиной послышались разговоры.

– С этим аккуратно, головой отвечаешь. Поставь дырками к вентиляции, – наказывал один.

Бегло осмотрев, где тут вентиляция, я ринулась к противоположной стенке. Вовремя! Второй рабочий прошел мимо с глухим ящиком в руках. Кажется, я перестала дышать, когда он на секунду замер и заозирался по сторонам. Найдя глазами отверстие вентиляции, он быстро зашагал к ней, так и не заметив, что совсем рядом с ним сидел "заяц".

Когда багажный отсек закрыли, я наконец смогла расслабиться и сменить положение. Ноги изрядно затекли, на языке осела пыль. Не сдержавшись, я звонко чихнула, а после напряглась. В том самом углу возле вентиляции что-то зашевелилось.

Транспорт нехотая начал взлетать. Заревели винты, люди снаружи что-то кричали. Убедившись, что сюда уже никто не войдет, я быстро сняла костюм, избавилась от рюкзака и отправилась напрямик к новым открытиям.

Было ли страшно? Совсем капельку. Больше было любопытно. Что или, если быть точнее, кого перевозили в багажном отделении имперского посла.

Как я и думала, звуки раздавались из того самого ящика с дырками, который внесли последним. Подобравшись ближе, я разглядела между брусьев белый мех.

Существо внутри протяжно завывало и заскреблось в ту стенку, где стояла я.

Изверги какие! Засунуть бедное животное в ящик минимум на шесть часов! В действительности я не знала, сколько нам лететь, но чутье подсказывало, что летим мы напрямик в императорский дворец, а значит путь неблизкий.

Замок на ящике противно заскрежетал, давая понять, что так просто его не открыть. Но не будь я дочерью своего гениального отца, если не открою этот треклятый ящик.

Оставив замок на месте, я нашла уязвимое место между брусьев и принялась ломать. Не обошлось без заноз, но спустя несколько минут в мои руки прыгнул белый комок шерсти. По

частому дыханию и шероховатому языку, который облизывал мою истерзанную руку, это был щенок.

– Ш-ш-ш, – щенок уткнулся мне в подмышку, успокаиваясь. Дирижабль покачивался в воздухе, как детская люлька, расслабляя и усыпляя. Быстрый сон в начале путешествия был кстати, ведь потом придется быть настороже.

Поспать долго не дали. Точнее, не дал один конкретный белый щенок, теперь я была в этом уверена. В маленькое окно багажного отсека просочился лунный свет, всё стало видно, как днем. Сегодня луна была необычайно яркой. Свет луны раздражал только щенка, вертелся-вертелся, пыхтел. Эта возня меня и разбудила.

– Ну что, малыш, – я широко зевнула, – пошли завтракать.

Выбирая между консервой и готовым бутербродом, щенку был отдан бутерброд. Вдруг ему нельзя консерванты? Домашних питомцев у меня не было, нам с отцом не до этого было, себя бы прокормить. Но опыт – дело наживное.

Потом мы играли, разговаривали. Щенки могут быть отличными слушателями.

Уже светало, когда он засуетился и забегал по нашему убежищу.

– Тише, малыш, – пыталась я унять непоседу.

Было с ним что-то не так. Доверившись новому другу, я втянула носом воздух и почувала запах горелой смерти. Вместе мы нашли источник, пахло из вентиляции. Горим!

Мы горим!

Из механики я хорошо знала, что дирижабли сторают быстро, и у пассажиров есть только один способ спастись. Покинуть судно, пока не стало слишком поздно.

– Так, малыш, нам нужен парашют. Здесь должен быть запасной парашют. Выглядит, как рюкзак.

Не знаю, на что я надеялась, когда раздавала команды собаке, но в панике можно и не такого наговорить.

К удивлению, щенок быстро нашел искомое и залаял, привлекая внимание. Парашют на вид был стареньким, но теплилась надежда, что функциональность он не потерял.

Нацепив наше средство спасения, я дернула рычаг, открывающий багажный отсек изнутри. Вроде бы всё.

"Собаку возьми", – заревела внезапно проснувшаяся совесть.

А то я не знаю! Неужели она настолько во мне сомневается.

Посадив щенка в свой походный рюкзак, я заторопилась. Рюкзак спереди, парашют сзади. Щенок со мной, как и совесть. Хоть бы поддержала в ответственный момент, карга старая!

"Прыгай на счет три", – проинструктировала совесть, и, честно, я была ей сейчас благодарна.

"Раз", – вот у кого хватает хладнокровия.

"Два", – вот кто не паникует впустую.

– Три-и-и-и!

Прыгнула с закрытыми глазами, прижимая к себе рюкзак. Только когда щенок внутри заверещал, я опомнилась.

Равновесие, держим равновесие!

Кто морская звезда? Кто солнышко? Кто умница? Верно, это всё совесть. Я же все еще барахталась в воздухе с закрытыми глазами.

"Открой глаза, надо расправить парашют", – напомнила совесть.

Дернула колечко, и ощутила резкий толчок. Меня силой рвануло назад, внутренности перевернулись, но неприятные ощущения резко закончились. Мы больше не падали. Мы летели!

Переборов страхи, я открыла один глаз, второй распахнулся сам. Зрелище завораживало. Небо над горизонтом меняло цвета, с красного у кромки земли до розового близ облаков. На миг я ослепла.

Прямо из-под ног выглянуло большое село. Почему село? В своей переводческой практике мне приходилось совершать ошибки в определении городов, сел и деревень. После очередного промаха я пришла домой и наизусть выучила отличительные черты каждого населенного пункта империи. Дабы больше не позориться.

Шпиль местной церкви блестел, как иголка под лампой. Вокруг кольцами расположились деревянные домища. Поразительно, какой огромной территорией владел каждый дом. У нас в Дашкенте каждый квадратный метр был при деле, потому и дома строились многоэтажные, чтобы вместить больше людей. А здесь поле непаханое, и никого это не заботит.

Приземлиться в селе было не суждено. Ветер нес нас дальше, мимо этих непрактично огромных домов, непаханых полей, в самую чащу ближайшего леса.

Управлять парашютом я не умела, да и не пыталась. Экспериментировать на такой высоте даже отец бы не решился. Щенок в рюкзаке замолк. Я тихонько приоткрыла пару сантиметров, чтобы бедняга не задохнулся, и начала искать место для посадки. Точнее присматривать и просчитывать, куда именно упадет парашют.

Встретить в лесу человека в такую рань было явлением маловероятным, но у одного сельчанина сегодня был неудачный день.

Мужчина шел не один, рядом с ним тащила небольшую повозку серая кобылка. Они не спешили, шагали степенно. Если бы они ускорились хоть на пару секунд, столкновения можно было бы избежать, но мужчина, как назло, никуда не торопился.

– Береги-и-и-ись! – крикнула я прежде, чем врезаться в спину сельчанина.

От моего крика кобылка встала на дыбы и дала деру, унося с собой повозку.

Оглянувшись, мужчина ошеломленно сделал шаг назад, а потом за долю секунды собрался и приготовился прыгать в сторону. К сожалению, его шансы были нулевыми. Катастрофы не избежать. Обхватив его руками и ногами ради опоры, я пролетела еще пару метров и на четвереньках рухнула на землю.

– Что за..! – выругался сельчанин, запутавшись в моих ногах. Только сейчас я сообразила, что так и не выпустила свой живой якорь. Отцепив парашют и рюкзак, я отползла от несчастного.

Мельком глянула в сторону, куда убежала кобылка.

– Вот ведь.. бедная лошадка, – пробормотала я вслух.

– Лошадка? – возмутился сельчанин, поднявшись на ноги. Отряхнувшись, он потрясенно взирал на меня сверху. Короткие светло-русые волосы встали торчком, а обвиняющий взгляд прожигал дыру в моей голове. – Ты хоть знаешь, что она везла? Из-за тебя весь лагерь останется без еды!

Что значит без еды? Мы же в лесу. Оглянувшись, я поискала глазами кусты ягод, но глаз зацепился за другое.

– Я могу сварить суп из крапивы, – уверенно кивнула я в сторону всем знакомой травы. – Еще могу помочь с поиском грибов и ягод. Известно, что леса империи переполнены дарами природы.

– Леса империи? Ты что, нездешняя? Отвечай честно, иначе... – сельчанин ловким движением достал откуда-то меч и направил его на меня.

Похоже я поторопилась с оценкой этого мужчины как мягкого и безопасного. Только бы я не нарвалась на разбойника. О них мне рассказывали клиенты-имперцы.

В империи процветает разбойничество. Не все способны быть мастерами какого-нибудь дела. К тому же тут надо прикладывать силы и время. А разбойничество – довольно ленивый и легкий заработок.

– Спокойно, – я подняла руки в примирительном жесте и постаралась придать голосу деловой тон. Как говорили клиенты, с разбойниками всегда можно договориться. А договориться было надо. Сейчас я отвечала не только за себя, в рюкзаке сидел мой щенок.

– Да, нездешняя, я туристка из соседней страны. Это правда! Мой транспорт потерпел крушение. Я едва спаслась.

– Куда направлялся транспорт? – ни капли не разжалобился белобрысый разбойник.

– В столицу. Всегда мечтала посмотреть этот город. Кстати, не подскажите, в какую мне сторону? Я видела здесь село неподалеку, если не ошибаюсь, там.

– Там, – поправил меня разбойник. – Поднимайся.

Обрадовалась я рано. Только наши отношения стали более доверительными, как щенку в рюкзаке потребовалось закопошиться.

– Что там? – разбойник в два шага оказался возле рюкзака и вот-вот собирался проткнуть его своим длинным мечом.

– Нет-нет-нет! Стой!

С ловкостью гимнаста я прыгнула к рюкзаку и заслонила его собой. За секунду расстегнула замок и вытащила комок белой шерсти. Щенок взвизгнул, глядя на меч, и прижался теснее. Кувырок – и мы с щенком на безопасном от меча расстоянии.

– Спрашивай сначала, прежде чем мечом махать! – тут я разозлилась. – Понабрали! Да как вас вообще в разбойники взяли с такой привычкой направлять меч на все, что движется. Думать надо в первую очередь! Оценивать риски! Мозгами шевелить!

– Это я-то разбойник? – опешил белобрысый. Потом посмотрел на свой меч. На меня, держащуюся от него на расстоянии. На щенка, который жался мне в подмышку и жалобно скулил. – Извини, – только и сказал он.

Меч в кратчайшие сроки был убран в ножны, но подходить я не спешила.

– Давай проясним, – мужчина сделал шаг ко мне, я от него. – У меня не было цели тебя напугать или, еще того хуже, убивать твоего пса. Клянусь! Я не разбойник, я солдат. Мне приказано охранять эту территорию. А твое появление с парашютом крайне подозрительно.

Солдат? В это слабо верилось, но многое объясняло.

– Почему ты одет как сельчанин?

– Чтобы людей не пугать, – вздохнул он. – Я ходил за продуктами для нашего лагеря.

Мы одновременно посмотрели в сторону убежавшей кобылки, которая, по-видимому, везла те самые продукты.

– Извини за меч, – еще раз повторил мужчина. – Имею я право хоть раз в жизни растеряться! Не каждый день на меня красивые девушки с неба падают.

– У вас дурной вкус, – честно ответила я на "красивую".

Он тряхнул головой и отвернулся в сторону сбежавшей лошади.

На душе заскребли кошки. Нельзя же так... Воспользовалась человеком, создала ему проблем, голодом оставила.

– Давайте я помогу найти вашу лошадь, – предложила с энтузиазмом. – Я умею находить общий язык с животными.

Правда, опыт у меня был только с одной животинкой, и длилось наше общение не больше четырех часов, тем не менее.

Мужчина ничего не ответил, просто молча зашагал в сторону леса. А я, не долго думая, с рюкзаком наперевес поспешила следом.

Может, наше знакомство не задалось, и щенка он мне чуть не угробил, но ведь и я его напугала своим появлением. Он мне, можно сказать, жизнь спас, а я его кобылку с продуктами спугнула.

"А еще у него есть меч", – напомнила совесть.

Это был весомый аргумент, ведь у меня из оружия только книга. Она, конечно, увесистая, но вступать в бой с ней не хотелось бы. Бумагу жалко.

Пока размышляла, дорога за спиной как-то резко схлопнулась. Следующим шагом я без страха вступила в темную чашу.

Глава 3. В военном лагере

– Давай понесу, – настаивал белобрысый, имя которого я так и не спросила. Одной рукой он держал меня за предплечье, другой раздвигал ветви.

– Я вам не доверяю.

Довольно долго мы петляли по лесу. По крайней мере, мне казалось, что долго и, вдобавок, кругами. Мужчина все время что-то нюхал, трогал ветки, искал следы на земле. Лично я там ничего не видела и уже порядком пожалела, что напросилась в помощь.

– Думаешь, я украду твои вещи? – лопнуло его терпение, когда я в очередной раз чуть не плюхнулась в грязь из-за перевесившего рюкзака. – Делать мне больше нечего, воровать твои тряпки.

– Это лишь слова. На деле из-за меня вы остались без еды и без средств. Следовательно, будет вполне логично обокрасть меня. Так сказать, зуб за зуб.

– О, богиня! Как эта мысль вообще пришла тебе в голову? Я не вор.

– Ну, этого я знать не могу.

– Хорошо! Вот, возьми, – мужчина одним движением снял с себя кулон на цепочке и повесил его мне на шею. – Эта вещь очень дорога мне. Наверное, так же, как тебе дорог рюкзак. Всё. Я возьму рюкзак, а ты пока поносишь мой кулон. Только не потеряй!

Вытянув руки назад, я молча, как истинная женщина, позволила мужчине забрать рюкзак. На самом деле я бы и без кулона его отдала через минуту, потому что спина невероятно устала. Я едва могла передвигаться. Всё-таки записная книга была лишней.

– Ох, как хорошо! – не сдержалась. Опустив щенка на землю, я сделала пару-тройку движений для разминки.

Мужчина искоса наблюдал, как я потягиваюсь. Вращение руками, наклоны и прыжки на месте. Щеки потеплели, кровь прилила к голове, наполнив мозг кислородом.

– Что? – запыхтела, восстанавливая дыхание. – Тело затекло. Идём уже!

Обогнув его по дуге, я зашагала в прежнем направлении. Белобрысый с моим щенком и рюкзаком зашуршали следом.

Хвойный лес кончился, все чаще начали встречаться береза и клен. Последний напомнил мне о Дашкенте.

Я с рождения жила на Кленовой. Хотя клен в нашем районе был всего один, огороженный от вандалов и любимый жителями, наш старый дедушка-клен. Под ним я оплакивала свою неудачную первую любовь. Под ним ждала результаты вступительных испытаний в институт. Под ним же мы с группой фотографировались, когда отмечали наш выпуск. А здесь этих кленов видимо-невидимо, только никому они не нужны.

Размышления прервали человеческие голоса впереди и испуганное ржание нашей кобылки. Надавив мне на плечи, белобрысый заставил меня присесть. Последние метры мы преодолели молча.

– Хороший улов! – пробасил один из тех, кто поймал нашу лошадь. Выбрасывая ненужное сено из повозки, он лапал ящики с овощами.

– О, сметана, – воскликнул другой прямо возле нашего укрытия. – Давно не ел сметаны.

– И не поешь! – мой сопровождающий выпрыгнул из укрытия, напугав разбойников своим появлением. Только на секунду.

Вмиг они преобразились из испуганных овец в диких собак. Тот, что был ближе, схватил первую попавшуюся банку молока из повозки и запустил в моего защитника. Банка пролетела мимо, разбившись о кленовый ствол рядом со мной.

– Едой не дерутся, болван, – крикнул, уворачиваясь от стрелы арбалета. А вот это уже плохо. Если с одним разбойником он справится, то с арбалетчиком ему не тягаться.

Нырнув в рюкзак, я достала Невид-13 и свое единственное тяжелое оружие. Помочь не помогу, а враспloch точно застану.

Наглухо замотавшись в костюм, я водрузила на голову мох, из трех кленовых веток соорудила парик, листиков на плечи. С веткой в одной руке и увесистой книгой с другой я без колебаний вбежала в гущу боя.

Свет брызнул на Невид-13, скрывая мое тело и ноги, оставляя лишь небольшие очертания фигуры. Зато наспех смастеренная шапка лешего сейчас словно висела в воздухе, превращая меня не то в лесное привидение, не то в устрашающую галлюцинацию. Как бы разбойники не решились, результат будет на руку.

– Чур меня! – заорал разбойник с арбалетом, выпустив стрелу чуть выше моей головы.

– Про-о-очь! – пробасила я, размахивая веткой.

Разбойник с арбалетом упал на землю и с воплем бросился наутек. Второй разбойник на момент отвлекся от боя, но моего вида не испугался. Выпустив один из своих ножей прямо в меня, он с удвоенным рвением продолжил свой бой.

Орудие летело быстро, в одночасье приближая мою смерть. За мгновение до удара подумалось, а почему белобрысый совсем не переживает. Ойкнул бы хотя бы, всплакнул.

С обидой я закрыла глаза, принимая нож разбойника в распростертые объятия, но удара не случилось. Врезавшись в невидимую преграду, он звякнул и упал у моих ног.

Я судорожно пошарила в том месте, где меня должны были заколоть, но нет, я была цела, невредима, порядком напугана, но цела! Нащупав пальцем кулон моего защитника, я мысленно выдвинула гипотезу о чудодейственных свойствах кулона. А чтобы ее подтвердить, белобрысый был нужен живой и способный разговаривать.

Я бесшумно спихнула с головы парик лешего, отряхнула мох. Сейчас я была почти невидима для разбойника, который в пылу битвы зажал белобрысого в угол между повозкой и суетливой привязанной лошастью.

Ничего-ничего. Тихонько положив палку и взяв двумя руками мой толстенный талмуд, я скользнула за спину разбойника.

Бамс! – разбойник падает контуженый. А на меня в изумлении устремляются два небесно-голубых глаза.

Сняв капюшон, ножкой потыкала в тело разбойника.

– Я его убила?

– Оклемается, – пробормотал белобрысый, пальцем дотрагиваясь до капюшона Невиды-13. – Это какая-то магия невидимости?

– Технология, – просветила я, снимая костюм и убирая волосы обратно в хвост. – Технология преломления света.

Имперский солдат неотрывно следил за моими движениями.

– Откуда ты? – по его тону читалось, что ответ он ждет примерно в духе "прилетела с другой планеты".

Вынуждена огорчить.

– Элиза, туристка из Дашкента, – честно ответила я.

– Хм, Дашкент – это маленькое такое...

– Маленькое, – в сердцах оскорбилась я, – но гордое!

– Хорошо-хорошо, – рассмеялся мужчина, – меня зовут Драгомир, а это Ладка, – ткнул он в свою кобылку.

Резким движением он перерезал веревку, которая держала Ладку у дерева, и повел ее запрягать в повозку.

Я тоже времени зря не теряла. Водрузила в телегу рюкзак, талмуд, Невид-13, потом щенка. Бедняга испугался за меня, обиженные глазки слезились, но я была рада, что он не

полез в бой и не мешал. Где-то читала, что некоторые собаки обладают сознанием двухлетнего ребенка. Не берусь отвечать за других, но мой щенок соображалку точно имел.

Повозка тронулась. Драгомир вел лошадь, а я семенила следом. Он не спросил, зачем я навязалась и что мне нужно. Просто вёл меня в свой лагерь. Хотелось бы верить, что с целью обогреть...

"И накормить", – добавила совесть.

В животе заурчало от мысли о съеденных давным-давно консервах. Так, в молчании, под урчание моего живота и под звуки текущих слюней щенка, мы добрались до имперского военного лагеря.

Если я при словах "солдат" и "лагерь" представляла нечто масштабное, со рвом и забором, кольями и пушками, то на деле лагерь оказался обычной стоянкой пеших туристов.

В центре горел костер с котелком. Вокруг выстроились серо-зеленые палатки разных размеров. Самодельная табличка с надписью "туалет", направляющая на тропинку, ведущую куда-то в лес. И навес, под которым растянулся склад из ящиков и столик для полевой кухни. Туда и повел лошадь Драгомир, а я осталась стоять у входа, если можно так назвать условную границу поляны.

– Смотри, какая! – незнакомый здоровяк в военной форме обхватил меня сзади и приподнял в медвежьей хватке.

– Кха! – чуть не издала последний вздох.

Поддержка, хотелось бы верить, пришла с воздуха. Спрыгнув с толстой ветки и кувырнувшись в воздухе, передо мной опустилась маленькая смуглая девушка. Отломив наконечник стрелы, она сжала его в кулаке и поднесла к моему носу.

Так, в подвешенном состоянии, с заломленными руками и угрожающим наконечником стрелы у самого носа нас застал Драгомир.

– А, точно, – будто вспомнил он. – Эта своя, не трогать, – скомандовал и ушел по своим делам.

Миниатюрная девушка мило улыбнулась. Крутанув стрелу в руке, она вставила ее в наспех собранный пучок волос.

– Блейк, – представилась она. – А этот громила сзади тебя – Марко.

– Элиза, приятно познакомиться, – сипло прошептала я.

– А ты ничего такая, смазливая. Тобой заинтересовался сам командир.

– Тю, занятая малышка, – расстроился здоровяк, аккуратно ставя меня на землю.

Из палаток на звук высунулись другие. Солдат было немного. Я насчитала ещё трёх рослых молодых мужчин с мечами, как у Драгомира, и одного худенького зрелого без оружия.

– Откуда вы, лесная нимфа? – подошёл ближе тот, что без оружия.

– Из Дашкента, – не стала обманывать, смахнув с плеча последний кленовый лист.

– Отку-у-уда? – искренне удивился собеседник и рассмеялся.

– Где это? – одновременно воскликнули здоровяк и девушка со стрелой в волосах.

– Географию надо учить, друзья! – пожурил он. – Дашкент – крохотная жемчужинка северного побережья. Настолько же маленькая, насколько ценная для всего мирового сообщества. Страна-нейтралитет в политике. Страна-первопроходец в науке. Вы знали? В Дашкенте изобрели первые дирижабли. Собрали, конечно, потом у нас, но сама идея, проект и расчеты принадлежат им. Шампунь, который ты, Блейк, хвалила вчера, сделан химиками из Дашкента. Они довольно хорошо преуспели в химии, физике и инженерии. Нам еще шагать и шагать до их уровня.

Мужчина с интересом уставился на меня, а я на него. Так мою родину еще никто не расхваливал, тем более иностранец. Должно быть, он много знает и много где побывал.

– Лазар, местный доктор, если можно так выразиться, – представился он и хитро хихикнул. – Будем знакомы.

Я кивнула. Вокруг начали собираться другие члены лагеря. Не стесняясь, они обсуждали меня, как зверушку на арене цирка.

– Надолго ты к нам? – громко спросил один из мечников. Казалось, он был чем-то недоволен. Хотя почему чем? Мною, моим появлением он был недоволен.

– Нет, – ответил за меня подошедший Драгомир и обратился к публике: – внимание всем, это Элиза, туристка из соседней страны. Угрозы не представляет, оружия.. нет. Заблудилась в лесу. Она останется на обед, затем я сопровожу ее до ближайшего села. На этом всё. Марко, Блейк, наряд по кухне!

– Да за что-о-о! Мы ж ее и пальцем не тронули! – искренне возмутился здоровяк, косясь на меня как на причину всех бед.

Понуриив головы, они с Блейк поплелись на кухню. А я, как истинно голодная туристка, не умеющая оценивать риски, поторопилась следом.

– Я помогу, – дружелюбно улыбнулась я, забираясь под кухонный шатер, чем оживила настрой дежурных. Они уже представили, какие обязанности можно свесить. Но я не жаловалась. Голодная, я готовлю хорошо и быстро.

В шесть рук мы управились с обедом за полтора часа.

Щенок поначалу активно попрошайничал, сейчас лежал в сытой отключке круглым животом кверху и мило подергивал лапкой.

– Твой? – спросила Блейк.

– Мой, – кивнула.

Теперь мой. О том, что я его фактически украла, старалась не думать. Они его в ящик посадили и не побеспокоились, когда начался пожар. Украсть щенка у безответственных людей – дело не такое и плохое.

– Только имя еще не придумала.

– Имя само придет. У меня в детстве была змея по кличке Землеройка. Любила охотиться на мышек таких маленьких, с носом, – попыталась объяснить Блейк. – Ну, мы долго выдумывать не стали. Назвали ее по имени любимого лакомства.

Я представила, как змея открывает зубастый рот и съедает бедную мышку-землеройку.

– Бр-р!

– Так и в жизни бывает, – заметила Блейк, искоса глядя за моей реакцией. – Зовут бедная Мышка, а на деле хищница Кошка.

– Я ничего не скрываю, – насупилась я. В этом лагере все такие подозрительные. – То есть, конечно, я не всё о себе рассказала. Но, честно, зла не замышляю. Даже наоборот!

– Хочется верить в твои благие намерения, но вся эта ситуация очень странная. Как туристка оказалась в лесу близ имперского военного лагеря.

– Совершенно случайно.

– Допустим. А почему командир вообще поверил в твою историю, еще и кулон защитный повесил?

– Ой! – я вцепилась в чужую вещь в форме металлической ракушки. – Сейчас вернусь.

Палатка командира располагалась через две палатки от кухонного шатра. Она была больше обычной и предполагала, что в ней не столько спят, сколько занимаются важными командирскими делами.

Стучаться было некуда, поэтому я предупредила о своем появлении голосом.

– Входи, Элиза, – откликнулся Драгомир.

Сняв сапоги, я залезла в маленькую тканую комнату. Драгомир с фонариком нависал над картой местности и что-то чертил.

– Я не вовремя?

Мужчина усмехнулся.

– Время есть всегда. Сколько здесь служу, на нас напали лишь раз и то по ошибке. Местные разбойники, которые не сразу поняли, что перед ними солдаты. Приняли нас за путешественников.

– Понимаю их.

– Смотри, – Драгомир перевернул карту в мою сторону. – Здесь ты упала на меня, на этой дороге. А здесь мы встретили разбойников и спасли Ладку. А вот тут мы находимся сейчас.

– Кругом один лес, – задумалась я. – Откуда взяться туристке?

– Теперь ты понимаешь, почему не все солдаты тебе доверяют. Это их работа. В каждом видеть, прежде всего, врага. Хотя воевать тут, по правде, не с кем.

– Пусть так будет дальше, – голос дрогнул. – Мне очень надо в столицу.

– Не переживай, я провожу тебя до Клёновки, там наймешь повозку до ближайшего города. А оттуда уже до столицы.

– Как еще раз? То село, над которым я пролетала, назывался Клёновка?

Я нервно засмеялась. Угораздило же!

– В Дашкенте я жила на Кленовой улице, а тут...

– Совпадение, – улыбнулся в ответ Драгомир, – или судьба.

Мы помолчали, думая каждый о своем. Я о родине, а о чем думал Драгомир – было загадкой. Уже собиралась отдать кулон, когда услышала оглушающий крик снаружи.

– Обе-е-ед! – кричала Блейк. – В очередь стройсь!

Драгомир положил мне руку на плечо, мягко, но уверенно выталкивая из палатки.

– Стой, подожди! – возмутилась я негостеприимству хозяина. – Я же кулон отдать хотела.

– Потом, Элиза, – вытолкнул меня на улицу Драгомир, – я голодный как волк. Всё потом.

Оперативно вокруг костра были выложены бревна и пни, чтобы все могли сесть. Мне был предложен самый чистый пенек, за что незнакомый солдат был удостоен искренней благодарности.

Забренчали металлические тарелки. Загалдели мужские голоса, разбавленные всего одним женским голосом Блейк. Щенок освоился. Давно переварив первое блюдо, он шустро бегал в ногах солдат, выпрашивая добавки.

– Щи из крапивы? – удивился Драгомир содержимому тарелки.

– Это идея Элизы, – в два счета сдала меня Блейк.

– Здорово, да? – поддержал здоровяк Марко. – Капусту сэкономили. Уважаю.

– Изумительное решение! – подмигнул доктор Лазар.

Щеки зарумянились, принимая на себя похвалу. Солдаты улыбались, подмигивали. В этом маленьком военном лагере кипела беззаботная гражданская жизнь. Они отдыхали, ребячились, и только мимолетные "дежурство", "патруль" и "наряд" напоминали, что они вообще-то находятся на службе в нескольких километрах от имперской границы.

После первого блюда Блейк разлила второе.

– Интересное тату, – завела я разговор с солдатом слева.

– Нравится? – оживился он.

– У меня тоже есть! – потребовал внимания его сосед, оголяя плечо.

– И у меня.

– Прекратили поясничать! – рявкнула Блейк и строго посмотрела на юнцов. Очевидно, ее звание было выше, чем звание мечников.

Блейк тягостно вздохнула и повернулась ко мне.

– Такая татуировка есть у всех мужчин империи.

– Вообще всех? – не поверила я.

– У всех старше 16 лет. Это наша традиция. Мальчиков приводят во дворец, знакомят с императором, а потом ставят татуировку. Это очень почетно.

Показалось, в голосе Блейк прозвучала обида. Единственная женщина в отряде, только она не имела почетной татуировки.

– А вы знаете, что она означает? – я взглядела в изображение крылатой птицы с зубами и непропорционально широкими когтями.

– Наверное, что-то связанное с воином? – предположил мечник слева.

– Может, символ мужественности?

– Охоты!

– А мне кажется, – перебила Блейк, – птица – символ свободы. Еще и такая когтистая. Жизнь как вырванная свобода. Вырванная из лап деспота.

– Тебя потянуло в философию, Блейк, – заметил Марко.

Ребята продолжили препираться. Глядя в тарелку, я слушала и не могла понять. Неужели уровень образования в империи настолько низок, что никто из граждан даже не поинтересовался, что означает тату. У нас в Дашкенте за любое касание к чужому телу можно получить срок. А имперцы добровольно позволяют клеймить себя, отдавая дань варварской традиции и не понимая смысла.

Между тем, смысл был.

– Здесь написано *"покорись крови"*, – просветила я имперцев.

– А? – услышал Марко, – нет же. Это птица, смотри. Вон крылья...

Марко водил пальцем по своей татуировке, намекая на мою плохую фантазию и отсутствие образного мышления. Он отчасти прав. С фантазией я не особо дружила, зато хорошо знала логику, математику и шесть языков.

На плечах мужчин-имперцев была не птица, а фраза. Письменность Древнего Дорейского эпохи Второй Первоначальной. Я выучила этот язык в глубокой юности, случайно наткнувшись на Древний Дорейский трактат в научной экспедиции. Увидев переведенный трактат на 600 страниц, отец сдался и перестал грезить о дочери-лаборантке.

Письменность Дорейских племён была похожа на символы животных, птиц, растений. Однако сами изображения рисовались из букв. Их нужно было читать вертикально, повернув изображение зверя. Буквы сливались в рисунок, но каждый его элемент имел смысл. Очень древняя форма письменности, современных аналогов нет. Откуда взялся этот язык на территории империи и почему все мужчины клеймили себя Древним Дорейским изображением – мне было непонятно. Порассуждать на эту тему и поискать логичные ответы мне не дали.

– Внимание, – негромко сказал Драгомир и прижал палец к губам.

Солдаты вмиг замолчали. Вдалеке леса слышался лошадиный топот.

– Встречаем гостей, – Драгомир отложил тарелку и тихо обнажил меч. За ним повторили остальные.

Бесшумно посуда была опущена на землю. Солдаты метнулись к палаткам, вставая в засаду. Блейк с ловкостью белки забралась на ближайшее дерево и приготовила лук.

– А туристка? – шепнул кто-то. – Жалко же...

Тут я поняла, что осталась у костра одна. Все так же с тарелкой в руках и щенком в ногах. Замерев, я оглядела по сторонам.

– У нее кулон командира, ничего с ней не будет, – брякнула Блейк, чем вызвала мой облегченный вздох.

Я с силой вцепилась в кулон в форме ракушки. Нахлынула обида на Драгомира, мог бы предупредить. Он ведь так и не объяснил мне свойства кулона. Впрочем, он мне ничего не должен.

Топот копыт приближался. Из чащи показался всадник в плаще и широкой шляпе. Один, без сопровождения. Хотя меч на поясе просматривался и говорил о том, что перед нами воин. Постоять за себя он сможет, но только не один против всех. На душе стало легче.

Остановив лошадь у костра, всадник спрыгнул и заозирался по сторонам.

– Э-э, – оценивая меня, протянул он. – Девушка, подскажите, здесь базируются лесные волки?

– Понятия не имею, – честно развела я руками. – Никаких волков не видела.

Всадник нахмурился.

– Тогда, может, вы знакомы с командиром Граничем?

Что-то всколыхнулось в памяти, но так же быстро улетучилось.

– Нет, не помню, чтобы слышала это имя.

– Хм, – искренне расстроился гость. – Мне казалось, это верное местоположение.

Махом он оседлал свою лошадь.

– Приятной трапезы, – снял он шляпу и уже собрался в обратный путь, как лошадь встала на дыбы.

Сзади него, опасно держа оружие, стояли "лесные волки". Все три мечника, Марко с дубинкой, и даже безоружный Лазар.

– Девушка, врать нехорошо, – посетовал всадник, поднимая руки вверх в сдающемся жесте.

– Она не врала, – вышел из-за спины Драгомир. – Просто мы не сообщаем каждому встречному кодовое название отряда и фамилии его членов.

– П-прошу простить, – он с сожалением посмотрел на меня, будто меня тут сейчас должны казнить за раскрытие военной тайны. Только вообще-то сболтнул лишнего он, а не я.

Гордо встав, с щенком на руках я прошествовала мимо болтуна. Не будет вам мешаться каждая встреча, обсуждайте свои военные тайны.

Подобравшись к складу, отыскала свой рюкзак и засобиралась в путь. В какую сторону идти, я представляла. Запомнила, когда Драгомир показывал карту. Память у меня хорошая, живот сытый, голова ясная. Доберемся как-нибудь.

– Продукты воруюшь? – окликнула сзади Блейк.

– Да я только свое взяла! Вот, смотри.

– Не объясняй, – отмахнулась она, и я поняла, что это была шутка про продукты. Странное у нее чувство юмора.

– Вы куда-то уходите?

– Ага. Воевать. Гонец передал, что началась война.

Блейк рутинно занялась сборами, а я присела на край ящика и про себя завывала. Уже началась? Так скоро? Надо спешить, срочно нужно к императору!

– Элиза, – позвал Драгомир, – подойди.

С рюкзаком и щенком я поплелась к палатке командира.

– Ты собралась в дорогу?

– Да.

– У меня есть другое предложение.

Я покосилась на лес.

– Не беспокойся обо мне, я уже все решила. Вот, возьми кулон.

Стянув цепочку, я переложила ракушку в теплую руку Драгомира. Показалось, будто его рука задержалась на миг, прежде чем отпустить.

– Тебе небезопасно ходить одной, тем более сейчас. Элиза, я вынужден сказать правду – в империи началась война. Нашему отряду велено занять восточную крепость близ Ватарны. Это крупный город в двух днях пути отсюда.

Я кивнула.

– Ты вольна выбирать, как будешь добираться до столицы, но прислушайся к моему совету. Отправляйся с нами. Мы обеспечим твою безопасность в пути. В Ватарне регулярно ходит паром, прямой рейс до столицы. Плывет всего день. Этот вариант существенно эконо-

мит твое время, чем если добираться до туда другим способом. А еще сохранит мои нервы, ведь я буду знать, что ты не провалилась в болото где-нибудь в лесу.

– Я бы не провалилась, – вставила в ответ на последнюю фразу, а потом прикусила язык.

Предложение Драгомира было очень заманчивым, но важнее было то, что оно было логичным. Я выигрывала по всем пунктам.

"Соглашайся", – вставила свои пять копеек совесть.

– Хорошо, – решила я, – пойду с вами до Ватарны. Так будет правильнее.

– Рад, что ты это понимаешь. И забери кулон, отдашь в конце пути. Мне будет легче тебя защищать, зная, что ты не умрешь от первой стрелы.

Не давая вставить полслова, Драгомир вновь надел кулон мне на шею.

– Элиза, – задумался он. – Ты не удивилась, когда я сказал про войну.

Грустно покачав головой, я отвернулась к костру.

Глава 4. Путь в Ватарну

Отряд перемещался компактно: двое бойцов спереди, двое сзади. Блейк в повозке молча точила наконечники стрел. Чувствовалось напряжение, которого не было прежде. Мечи вздрагивали от каждого шороха, прислушиваясь к звукам просыпающегося леса.

Лучи солнца бодро пробивались сквозь листву, вынуждая шуриться. Последний и единственный раз я просыпалась так рано перед экзаменом по логике. Преподаватель был строг, но предсказуем. Его действия мы просчитывали на десять шагов вперед, как и наши оценки. Жаль, что император совсем не такой. В собственной голове я так и не смогла оправдать его мотивы к началу войны. Чем же так ценны те острова?

После долгих уговоров Драгомир таки усадил меня на свою лошадь. Ладка была не против. Сонной мухой она плелась позади соплеменников, которые тянули повозки с едой, палатками и другими вещами.

– Не спи, Элиза, тебя снова тянет в сторону, – негодовал Драгомир, шагая рядом.

– Это не я, – широко зевнула, – это Ладка спит, я не виновата.

– В команде всадник-лошадь главным является всадник, – менторским тоном учил Драгомир.

– А мне кажется, с животными надо быть на равных. Тогда будет полное взаимо-о-а-ах-понимание.

– Вижу, вы с Ладкой точно добились этого понимания.

Драгомир вздохнул и взял сонную лошадь за повод.

Каждые четыре часа мы останавливались на привал. В продуктах отряда я уже ориентировалась как у себя дома, поэтому активно помогала дежурным с приготовлением пищи. Как говорят, путь к сердцу солдат лежит через желудок. К концу дня они уже смотрели не так презрительно. К вечеру меня уже почти любили и даже чаем угостили в теплом кругу костра.

– Чай с огоньком, – подмигнул один из мечников и плеснул мне полную кружку.

О каком огоньке речь, я поняла уже после того, как хлебнула залпом полкружки.

– Ох! – прослезилась я от горького послевкусия.

Солдаты засмеялись, по-братски толкая меня в плечо. Даже обычно подозрительная Блейк улыбнулась. Отсалютовав своей кружкой, она допила свой чай, даже не поморщившись.

Спать нас снова уложили в одну палатку, ведь других женщин в лагере не было. Но если в первую ночь казалось, что Блейк зарежет меня во сне, то сейчас, после чая, мы спали как старые добрые друзья, развалившись по всей площади палатки.

– Подъем, дамы, – разбудил мужской голос снаружи. – Утро.

В наступившее утро я поверила не сразу, конкретно в нашей палатке было темно. Только когда Блейк пихнула ногой в бок, я поняла, что вставать все равно придется. Утро, не утро, а завтрак в лагере по расписанию.

Хмурая туча висела над нами, не думая уходить. Трава пропиталась холодной сыростью. Я зябко поежилась, вспоминая свои изначальные планы: "Быстренько предотвратить войну – и домой". Когда планы идут под откос – это неправильно, некрасиво с их стороны.

"Потерпи один день", – участливо поддержала совесть.

И я потерпела. Очередной отрезок пути я преодолела частично на Ладке, частично пешком. Мышцы после вчерашнего путешествия болели, будто я не на лошади ехала, а бегом бежала.

На последнем привале Драгомир толкнул речь о том, как мы, то есть они, солдаты, важны империи. Как император надеется на защиту. О славном городе Ватарна, куда мы уже почти пришли, но в привал встали на другом берегу.

Была в этом привале важная цель.

– Ты идешь или нет? – позвала Блейк, набросив полотенце на плечо.

Я тяжело встала с пенька и, подхватив свое полотенце, последовала за лучницей в лес.

Ватарна растянулась на одном берегу вдоль речки Наживка. Другой берег, где остановились мы, был густо покрыт лесом. Именно тут, в зарослях, мужчины нашли небольшую заводь, огороженную с одной стороны лесом, с другой – камышами. Недолго думая, мужчины ринулись мыться. По правде, им давно пора было это сделать. После пошли мы.

Осторожно ступая босиком по каменистому берегу, я следовала прямиком за Блейк.
– Х-холодно, – покрылась мурашками, опустив в воду одну только пятку.
– Не дрейфь, тут поглубже тепло.

Лучница уже намылила голову, когда я только зашла по пояс и опасно заозиралась по сторонам.

– Они не смотрят.

– Точно..?

Конечно, взрослые мужчины и не смотрят?

– Не смотрят, – повторила она, – иначе командир их убьет. В прямом смысле.

Я вздохнула и начала мыться. Холодная вода освежала. Шампунь обволакивал ароматом дома. Химический запах синтезированной клубники. М-м-м! Как я соскучилась по удобствам цивилизации. Набравшись храбрости, я окунулась с головой, смывая запах грусти и неоправданных ожиданий. Провела рукой по водной глади, заряжая энергией каждую мурашку на теле.

– Ваш командир не показался мне таким страшным, – заметила я, когда мы вытирались на берегу.

– Ну, это при тебе он такой. Вежливый и благородный. Рыцарь на белом коне, – Блейк говорила с сарказмом. – Только не забывай, что он солдат империи, дослужившийся до командира собственного отряда. Он умеет убивать и часто за свою жизнь это делал. Опытный стратег, а еще обладатель защитной магии высокого уровня. Тот кулон, что висит на твоей шее, командир создал еще в звании рядового. Представляешь, на что он способен сейчас?

От речи Блейк стало не по себе. Не потому, что она сказала что-то плохое о Драгомире, а от того, что оказывается она знала о нем почти всё, а я ничего. Нарисовала себе образ, как выразилась Блейк, вежливого и благородного, а какой он человек на самом деле? Почему-то этот вопрос очень беспокоил, хоть разумом я и понимала, что уже завтра мы расстанемся. Вероятно, навсегда.

Именно эта мысль побудила идти искать командира, ведь у костра его не было. Солдаты предлагали выпить с ними горячительный чай, но я отказалась.

В своих поисках снова вышла к реке. Он сидел на большом камне лицом к воде. Собирал под собой маленькие камушки и ловко бросал их в речку.

"Шлеп-шлеп-шлеп", – метнулся очередной камушек.

Незаметно для себя я залюбовалась спиной мужчины. Сейчас он был в простой рубахе, похожей на ту, что он надевал в день нашей встречи. Я сделала шаг и едва не упала чисто вымытым лицом в грязь. Полотенце слетело с волос и свалилось на землю. Если бы не крепкая мужская рука...

– Ау-у... – жалобно завывла я.

– Элиза? Что болит?

– Нога... Подвернула, кажется...

На здоровой ноге я попрыгала к камню, где до этого сидел Драгомир. Сняла сапог и потянулась к больному месту.

Мужчина был быстрее. Большие теплые руки обхватили мою лодыжку и начали массировать рядом с участком боли.

– О-ох, – застонала я, наслаждаясь процессом. Сейчас мне было все равно на гордость и всё, что к ней прилагалось. Лишь бы эти руки не прекращали делать свое дело.

– Полегчало? – улыбнулся Драгомир, засовывая мою ногу обратно в сапог.

– Да...

– Ты что-то хотела?

– Хотела...

Мотнув головой, я согнала наваждение и строго посмотрела на Драгомира.

Засмеявшись, он предложил присесть рядом на камень, чтобы я снова не свалилась на ровном месте. Мысль не была лишена логики, и я согласилась.

– Так почему искала меня?

– Хотела поговорить, то есть спросить... – я пыталась подобрать слова. Превенная подготовка улетучилась из головы. – Почему ты мне помогаешь? Я имею в виду не только кулон. Когда я приземлилась, ты мог просто оставить меня в лесу. Но ты привел в лагерь, накормил, настоял на совместном путешествии, дал свою лошадь... Да много чего. Ты с каждой девушкой так благороден?

Сказав всё, что накопилось, я с вызовом посмотрела на мужчину. Он отвечать не спешил, словно тоже мысленно готовил речь.

– С самого нашего знакомства ты нуждалась в защите, – начал он. – Не могу объяснить. Ты упала с неба мне прямо в руки! Кажется, теперь я за тебя отвечаю.

– Так у тебя синдром спасителя? – облегченно выдохнула я.

В институте нам читали лекции по психологии, обращая внимание на логичность или нелогичность человеческих взаимоотношений. Тогда я пришла к выводу, что любовь – чувство нелогичное, и потому вряд ли мне удастся его испытать. О спасителе там тоже было. Теперь всё встает на свои места.

– Синдром спасителя? – первый раз услышал термин Драгомир. – Был, наверное, да. Пока не понял, что в наших отношениях в спасении нуждаюсь я.

– Спасения от чего?

Рывком притянув меня к себе, Драгомир нашел мои губы. Нежно облизнул, а затем настойчиво вторгся в крайне личное пространство.

Глава 5. Галлюцинации

Не успела я расставить оборону, как поняла – наплевать. По телу разлилось тепло, заставляя мышцы живота сжиматься. Это ли те самые бабочки в животе, о которых раньше приходилось только читать? Одним поцелуем Драгомир нарушил всё моё душевное равновесие. Водоворот чувств захлестнул сильного его и хрупкую меня.

Незаметно я оказалась на коленях Драгомира. Теперь он целовал медленно, позволяя нам обоим нежиться от ласки и внимания друг друга.

– Тебе обязательно уезжать завтра? Ты могла бы остаться еще.

– Обязательно, – отвернулась от неприятной темы, – никто не сделает это за меня.

– Что не сделает?

Я молчала. Тепло человеческих тел улетучилось. На берегу стало холодно.

– Идем спать, Элиза, – вздохнул Драгомир, расплетая наши пальцы. – Завтра трудный день.

Больше мы не разговаривали.

Спала в эту ночь беспокойно, чем изрядно бесила Блейк. Ближе к рассвету она выставила меня из палатки и со словами: "Сама не спишь и другим не даешь," – отправилась досыпать.

Понурился, я поплелась к догорающему костру, когда снова возник приступ. В глазах помутнело, возле палаток замерещилась разноцветная дымка. Ни раньше, ни позже!

Метнувшись к рюкзаку на складе, я достала заветные таблетки для ясности ума. Там меня и застал сонный Драгомир.

Облокотившись на пустые ящики, он с подозрением тараторил на таблетки.

– Что это? – спросил он. – Ты больна?

– Нет! – с ума сойти, о чем он подумал. – Не больна, честно. Это таблетки для ясности ума. В Дашкенте все такие пьют. Хорошо проясняет разум, и галлюцинации не мерещатся.

– Какие галлюцинации? – насторожился Драгомир.

Я отошла от него на полметра и присмотрелась.

– Ну, например, вокруг тебя сейчас клубится белый дым. Видеть такое не очень хорошо, согласись.

– Напротив, – не согласился мужчина. – Видеть такое очень-очень хорошо!

Теперь напряглась я.

– То, что ты называешь дымом, на самом деле ауры магов. Маг мага видит издали! – выдал он что-то похожее на народную мудрость. – И как я раньше не видел? У тебя тоже есть аура, только какая-то слабенькая, рваная, не могу понять цвет. Подозреваю, виной тому таблетки.

Я опустила взгляд на баночку, перевела на Драгомира, снова на баночку. Может ли быть правдой то, о чем он говорит?

Магия? У меня?

– Не веришь? Посмотри на кулон. Если действие таблеток закончилось, ты должна разглядеть белый дым вокруг кулона. Это моя работа, в нем моя магия.

С сомнением поднесла кулон к лицу и поразились. Металлическую ракушку обволакивал знакомый дым. Это было настолько же странно, насколько нормально. Будто в голове наконец навели порядок. Будто видеть магию абсолютно естественно.

– Сходим сегодня в церковь? – приобнял меня Драгомир. – Покажу кое-что.

– Какую еще церковь? Нет-нет! – я уперла руки в мужскую грудь. – Я еще не готова! Не хочу!

Драгомир прервал мою панику легким поцелуем в лоб.

– Обещаю, венчаться сегодня не будем.

Уточнение про "сегодня" не понравилось, но любопытство взяло верх.

– А что будем?

– Будем узнавать цвет твоей магии. Обещаю, больно не будет, – добавил, следя за моей реакцией.

Но мои мысли уже шагали далеко назад в прошлое. В моей переводческой практике были разные клиенты. Оказывается, большинство из них были "магами".

– Я видела не только белый дым, были и другие цвета.

– Разновидностей магии много. Белая – защитная.

Кажется, Блейк упоминала что-то такое.

– Сила магии определяется яркостью. Моя семья – носители яркого защитного дара, мне повезло.

– А в отряде есть еще маги?

– Хм, – Драгомир думал, как объяснить мне простые истины. – Магия есть у всех. Каждый член отряда одарен тем или иным даром. Дело в том, что они ею не пользуются. Их дар изначально слабый, неяркий. Им проще зарабатывать на жизнь военными навыками, чем всю жизнь развивать слабый дар и жить на копейки.

Повсюду маги! Как такое возможно? Но спросила другое.

– Я знаю, что в империи много мастеров-ремесленников. Их даже поддерживает император. Получается, эти мастера – люди со слабым даром? Которые просто решили заняться чем-то другим?

– Поражаюсь твоей ознакомленностью внутренними делами империи. Ты точно не шпионка?

Тон был серьезным, но мимику не обманешь. Уголок губ дернулся, и я потянулась на цыпочках. Прикоснувшись губами к пульсирующей венке на шее, я прошептала:

– Я просто туристка из Дашкента.

– М-м. . . соблазнительная туристка, – Драгомир по-хозяйски положил руки мне на талию. Я не сопротивлялась. Закрыв глаза, грелась и почти мурлыкала, как кошка, долгое время изнемогающая без ласки.

Так, в обнимку, нас застал здоровяк Марко.

– Кхм, – громко кашлянул он. – Завтрак.

И со взглядом "я такое видел, но ничего не скажу" ушел к костру.

На завтрак была жутко липкая рисовая каша с горьким привкусом, но, только подумать, с какой охотой я ее слопала.

– Я вам туда корень имбиря натёр, для бодрости духа, – отчитался сегодняшней дежурный Лазар. – Корень имбиря чрезвычайно полезен против инфекций, а в городе их гуляет огого. Хороший антисептик, а еще, кхм, афродизиак.

Лазар по-обыкновению хихикнул, радуясь собственной шутке.

– А что такое аф-ро-ди.. как там его? – искренне поинтересовался Марко.

Мечники гоготнули, начали подкалывать здоровяка, рассказывая выдуманные истории. Блейк, как строгая учительница, скакала рядом, пытаясь их успокоить. А мне вдруг стало так хорошо и в то же время тяжело от мысли, что вот-вот придется расстаться с этими людьми.

Только задерживаться больше нельзя. Война может стереть их жизни, а этого никак нельзя допустить. Если раньше я хотела спасти абстрактных жителей империи и федерации, то сейчас эти люди обрели лица. Самым четким было лицо Драгомира.

Глава 6. Цвет магии

Широкие деревянные ворота открылись на рассвете, впуская очередь торговых и гражданских повозок. Среди них двигались и мы. Отряд никто не проверял, об этом позаботился командир. Шагнув куда-то внутрь городской стены, он вышел с бумагой, кивнул охраннику, и нас мигом пропустили. Всех. Вместе с затесавшейся в ряды военного отряда туристкой из Дашкента.

Мимо промчалась почтовая повозка. Я сощурилась. В глаза брызнула городская пыль, осела на волосах и повидавшем жизнь спортивном костюме. Мельком глянула на Блейк, мы обе стояли на площади как белые вороны. Блеклые и по-женски несчастные по сравнению с кружащими вокруг ухоженными горожанками.

Ватарна был относительно молодым городом. Застройка здесь велась современная и, что часто бывает, однообразная. Зато стратегические объекты, вроде аптеки и чайной, в каждом квартале располагались в одних и тех же местах. Лет пятьдесят назад в Дашкенте строили также.

– Чувствую себя бедным нелегалом, – пожаловалась я Драгомиру, когда он в очередной раз развернул мои плечи в правильном направлении. В незнакомой местности трудно не потеряться. Ориентироваться в лесу среди деревьев проще, чем в городе среди похожих домов и улиц.

В честь нового места назначения Драгомир дал отряду выходной. К закату всем велено быть на территории восточной крепости, а пока ребята разбрелись кто куда.

Меня же первым делом потащили в маленький магазин на окраине города.

"Нитки и тряпки", – гласила покосившаяся надпись.

Перед входом замедлилась, мне же дела надо делать! Мне же на паром надо! Зачем мы здесь?

Драгомир заметил мое смятение.

– Сходи со мной, Элиза. Я быстро, а потом весь день твой.

Сердце екнуло от такой формулировки. Поднявшись на крыльцо, я вошла в распахнутую для меня дверь.

В нос ударил запах текстиля. На миг показалось, что мы зашли в личный шатер южного хана. Как имперская палатка, только выше. Лоскуты ткани, оформленные в занавески, пропустили нас внутрь.

Помещение в самом деле было маленьким. Подобно дашкентским архитекторам, хозяин заведения "Нитки и тряпки" старался использовать каждый участок магазина максимально практично.

Вот антикварная тумба, на ней бюст с париком, на парике шляпка, над шляпкой вереница сшитых между собой лоскутов ткани. Шагнула вглубь и чуть не врезалась в пухлый от количества одежды манекен в полный рост. меховая шубка на плечах, под ней рубашка, две юбки, за ними платье, под платьем – да, точно, там еще и купальник.

Довольно прищурилась. Вот он, настоящий дашкентский характер! Еще не познакомившись с хозяином магазина, я была готова пожать ему руку.

– Элиза, мне только рубашку обновить и по мелочи. Иначе магазин закроется. Не потеряйся, я скоро.

Махнула рукой. Потеряться в магазине одежды, вот еще!

Отвернулась от белобрысого шопоголика и тут же взглядом врезалась манекен у окна. Сердце забило в предвкушении.

На одиноко стоящем манекене пылилось неброское платье. Вряд ли оно привлекло бы мое внимание, если бы не одно но. На участках, где отблески света падали на ткань, серый цвет изумительным образом отливал нежно-фиалковым. Прямо как цвет моих глаз! Карие от при-

роды, они становились фиолетовыми при ярком свете. Простое приталенное платье до колен, серенькое в тени и блестящее на свету, без сомнений, было создано для меня.

Нет, нет! Зачем мне платье?! Мне и в спортивных штанах нормально...

Разве чтобы предстать перед императором как подобает? Да-а! Это весомый аргумент. Одно дело – туристка в потрепанном спортивном тряпье. Другое – барышня, разодетая по имперской моде. Чтобы ткань чистенькая, ухоженная. Да, это определенно весомый аргумент.

– Хочешь примерить? – голос Драгомира заставил вздрогнуть.

– Не знаю, – протянула неуверенно, – нет, наверное.

Отвернулась к выходу.

– Так хочешь или нет? Хороший наряд. Император оценит.

– Ты тоже так считаешь? – с надеждой посмотрела на мужчину.

Его мнение сейчас казалось очень важным. Никогда раньше не спрашивала мнение ни отца, ни подруг. Я же для себя покупаю, главное, чтобы было дешево, практично, удобно. Но сейчас... Хотелось, чтобы ему понравилось, услышать комплимент, увидеть взгляд. Такой, чтобы "ах"! И я сейчас не про императора.

– Ну да, неплохое платье, – решил его судьбу Драгомир.

Радостно подпрыгнув, я понеслась искать продавца, оставляя Драгомира размышлять о суровой женской логике.

Уже через полчаса я спускалась с крыльца магазина в новеньком платье в имперском стиле. Нашим бы такое вряд ли понравилось, особенно напрягал пышный подол, который не маскировал округлости, а подчеркивал их. Да и в бюсте туговато. В этом платье моя фигура превращалась в песочные часы, что было совсем не приемлемо в Дашкенте, зато имперские модницы такое любили. Справа и слева бежали девушки в подобных платьях, и им было нисколько не стыдно. Теперь я выгляжу так же, как они.

С каждым шагом я внутренне успокаивалась. Словив желаемый взгляд от Драгомира, уверилась в своем решении. Да... Придется было надо, хорошо, что зашли!

За веселой мной угрюмо шагал Драгомир. С заполненным до краев рюкзаком наперевес, он все пытался понять, в какой момент одно платье превратилось во "всё, что влезет в рюкзак".

Досталось и кошельку. Выслушав примерные цены на билеты и еду, я отложила ровно половину на свои нужды, остальное осело в кассе магазина "Нитки и тряпки". В результате, хозяин оказался доволен мною даже больше, чем я им. В сердцах распрошавшись с хозяином магазина, мы с Драгомиром выдвинулись к причалу вершить дела.

Билет на паром купили без проблем, но рейс до столицы был только ночной. Если бы не это, я бы не стала. Совершенно не стала бы разбираться еще с одним делом.

С маленьким таким магическим даром.

Сердце предательски сжалось. Пусть слабый и "рваный", как выразился Драгомир, зато свой. Своя крохотная крупичка магии. Это ли не счастье, узнать в 20 лет, что обладаешь магией!

Узнавать размеры счастья полагалось в церкви. По оживленным разговорам детей и их родителей, которые шли навстречу нам, я поняла, что мне предстоит событие волнительное и "вибрирующее".

– Мама, я ещё никогда так не вибрировала! – восклицала девочка лет десяти. Вокруг нее клубился яркий коричневый дым. По словам Драгомира, малышке достался дар взаимодействия с землей.

Я на миг запнулась. Магия ковыряния в земле не предел мечтаний. Хотелось, чтобы собственная магия была более волшебной.

Словно прочитав мои мысли, Драгомир объяснил.

– В империи больше ценятся те виды магии, которые могут принести пользу. Дар взаимодействия с землей чрезвычайно редкий и очень полезный. Чем тратить деньги и силы на

удобрение почвы, можно заплатить магу, который в короткий срок сделает участок плодородным на долгие годы. Крайне полезный дар для сельскохозяйственных нужд.

– Полезный, конечно, – пробормотала я, – но скучный.

– А какой дар, по-твоему, нескучный?

Драгомир злился, будто я оскорбила лично его, а не систему магии в целом.

– Такой, чтобы как в книжках. Огненные фаерболы, пиу-пиу! Насыпать водяной смерч.

Повелевать временем – тоже неплохо. А еще всё это верхом на драконе!

– Кому принесет пользу твой смерч? – философски заметил Драгомир. – Управлять временем невозможно, такого вида магии нет. Драконы давно вымерли, факт общеизвестный. Из всего, что ты перечислила, огненные фаерболы близки к реальным возможностям. Хотя, по правде, искры огненных магов с трудом можно назвать фаерболами.

С каждым аргументом я все больше опускала голову. Как же так... Ни тебе фаерболов, ни смерчей, ни драконов. Не удивительно, что большинство населения предпочитали забыть про свой дар и развивать ремесло.

– Мы пришли.

На входе в церковь дверей не было. Две высоченные колонны обрамляли дверной проем. На них сверху в пышном платье сидела местная богиня. Местная для меня, ведь в Дашкенте религии нет. А для Драгомира и других жителей империи богиня Солнцеликая была единственной. Голову покрывала корона из тысячи лучей солнца. По мне, шипастая корона нагояла жути. Но где моё мнение, и где мнение сотен жителей сверхдержавы.

Пройдя под каменным подолом Солнцеликой, мы зашли внутрь. Драгомир сразу свернул на лестницу, уходящую на самый верх церкви – в помещение с колоколом. Три десятка ступеней – и нас встретил маленький круглый зал, пресветлый от избытка окон и преунылый от недостатка мебели. Здесь не было ничего, кроме голых стен и одного огромного колокола.

Без очереди меня тут же взяли в оборот. Неведомо откуда выскочил монах, пихнул в руки стеклянный шар и повел под огромный колокол. Железная машина опасно лязгнула, так, что волосы встали дыбом и замерли, не дыша.

– Ты шутишь? – я медленно задрала голову, ужасаясь размерами и опасаясь ненадежности этой металлической конструкции. – А если он свалится?

– Не свалится. Будет громко, но с места не сходи. Стой ровно, не шевелись, – Драгомир подал знак монаху-звонарю, и тот начал звонить.

"Бом!" – прозвучало в ушах.

"Бом!" – завибрировал пол, отдавая вибрацию в ноги и устремляясь ввысь.

"Бим-бом!" – зазвучало тело.

Сердце замерло, внимая звуку огромного колокола. Энергия, пробуждаясь глубоко внутри, полилась по венам. Выше. Проникая в живот, руки, подушечки пальцев. Когда ее стало слишком много, она ринулась в стеклянный шар. Сила лилась, тело слабело. Глаза начали закрываться.

– Достаточно! – крикнул Драгомир звонарю, и колокольный звон пошел на убыль.

Ноги подкосились, но мужчина будто заранее предполагал, что так будет.

– Слышишь меня? – спросил он, поднимая меня на руки.

Я кивнула, мотнув головой совсем в другую сторону. Тело не слушалось.

– Можете отдохнуть в зале, – обратился звонарь к Драгомиру и недоверчиво добавил: – так бывает, если носитель ранее не пользовался даром. Странно, конечно. Девушка, вроде бы, не юная. В любом случае, головокружение вскоре пройдет.

Моргнуть не успела, как мы пролетели лестницу – и вот уже меня кладут на скамью.

– Ты отключилась, – обеспокоенно проронил Драгомир.

Хотела было сказать, что все хорошо, но не было сил разомкнуть челюсть.

Закрыв глаза, я сосредоточилась на дыхании. Вдох-выдох. Очень клонило в сон, и я поддалась искушению. Отчего-то я знала, что Драгомир меня одну не оставит, в обиду не даст. Много раз уже не давал, защищал. До чего же великолепный мужчина...

"Ты просто нормальных мужиков раньше не видела", – сварливо заметила совесть. Она говорила что-то ещё, но я уже не слушала. Дрёма настойчиво забрала в царство сна.

Снился полет на драконе на фоне заката. В сказочном платье мы неслись напрямик в облака. Солнце, уходя на покой, жарило. А когда дракон нырял в облако, лицо покрывалось холодной влагой. Прыжки то в жар, то в холод продолжались, пока я не поняла, что эти ощущения рождены вовсе не сном.

Проснулась от озноба и легкой щекотки. Кто-то щекотал мою повисшую к полу руку. Хотя почему кто-то?

– Малыш, – я лениво дотронулась до белой шерсти щенка и широко зевнула. – Что ты принес?

Разлепив глаза, я потянулась, возвращая телу прежнюю гибкость.

Подражая мне, щенок встал на задние лапы и наконец разжал зубы. На пол упала охапка красного клевера. Пышные цветки разметались по полу, внося в храм щепотку хаоса.

– Ах ты, шалун, – я быстренько собрала клевер с пола, – надеюсь, ты не весь огород церкви вынес?

Щенок гавкнул в ответ и, размахивая хвостом, помчался на выход.

– Он тоже беспокоился за тебя, – Драгомир подошел сзади.

– Тоже?

– Я первый.

Мужчина осторожно обнял меня, почти не касаясь.

– Со мной все хорошо, честно, – а потом вспомнила, зачем мы собственно приходили.

– Ты узнал, какой у меня дар?

– И да, и нет.

Я нахмурились. Неоднозначные формулировки я не любила.

– Он настолько слабый?

– Нет, он как раз очень сильный. У тебя яркий розовый дар.

Драгомир вынул на всеобщее обозрение мой шар. В прошлом прозрачный, сейчас он переливался разными оттенками розового. Как зарево во сне, цвет моего дара потрясал яркостью.

Преисполненная гордости, я напыжилась, представляя как буду метать розовые фаерболы. Зря Марко говорил, что у меня плохая фантазия. Это неправда. Было бы, о чем фантазировать!

Заметив мое состояние, Драгомир покачал головой, убрал шар и ткнул пальцем в какой-то листок.

– Это расшифровка, звонарь дал.

На скупом листке-расшифровке были нарисованы цветные кружочки. К каждому имелась краткое описание на имперском, указание редкости и уровня востребованности по столбальной шкале. Нужный мне кружочек значился последним в списке.

Розовый – характерный цвет мага-приручителя.

Очень редкий.

Востребованность 0 %

– Значит маг-приручитель, – я опробовала на языке новое слово. – А кого я буду приручать?

– Не знаю, Элиза. Я о таком даре даже не слышал, а с востребованностью в ноль процентов понятно, почему. Этим даром никто не пользуется. Он, как бы сказать мягче... Неактуальный, бесполезный, непрактичный.

– Как это бесполезный? Ну не востребован он в вашем земледелии, так неужели сразу крест на нем ставить?

– Дар может приносить пользу не только в земледелии... Некоторые полезны в аптекарском деле, в кузнечном, в бытовой сфере, даже в косметологии. Раз востребованность твоего дара ноль, – Драгомир на миг прервался и рывком встрепенул волосы, – надо же! Чтобы востребованность – ноль!

– Ну и что! – не унималась я, яростно защищая честь своего дара. – Подумаешь. Может, счетовод ошибся, ошибка статистики?

– Элиза! Что ты...

– Разрешите присоединиться к вашей беседе, – раздался голос за нашими спинами.

Резко обернувшись, я увидела старика в преподавательской мантии и пенсне на носу. Должно быть, мы говорили так громко, что вся церковь слышала. Щеки стыдливо заалели.

– О, прошу прощения, профессор Разумов, – представился старик. – Классический институт Рейпцига.

– Так вы из столицы? – представив нас по именам, Драгомир завел светскую беседу. – Какими судьбами в Ватарне?

– Долгая история, и совсем не занимательная. А вот вы, Драгомир, где повстречали это юное дарование с пытливым умом и завидным даром?

Старик повернулся ко мне, изучая взглядом не столько меня, сколько розовый шар в руках.

– Тоже долгая история, – Драгомир положил руку мне на плечо, хотя защита мне была не нужна. Старик преподаватель мне импонировал. Он же ученый, почти коллега. И фамилия такая говорящая. В Дашкенте ученых бесконечно уважают.

– Профессор, вы раньше сталкивались с даром приручителя? – я выбралась из мужских рук и в ожидании уцепилась на свою единственную надежду.

– Видите ли, – начал он, почесав затылок. – Сам лично не сталкивался, но я кое-что слышал. В своей академической практике мне приходилось встречать разных людей, в том числе иностранцев. Однажды на международном педагогическом форуме я разговорился с профессором из университета, кхм, Федерации объединенных земель.

Профессор опасливо заозирался по сторонам. Дружить с федерацией в империи не принято, а сейчас еще и война. Профессор все понимал, и мы понимали. Подобные истории кому попало не рассказывают.

– Вы можете говорить свободно, – поддержала я профессора, грудью защищая его от возможного нехорошего взгляда Драгомира. – Однажды я тоже разговорилась с гражданином из федерации, мне он показался хорошим человеком. Не все они плохие.

– Вот и я тогда подумал, какой занимательный молодой человек, хоть и из федерации, – перевел дух профессор. – Он поведал мне, что в горах на юге их страны есть туристическая деревня. Самое интересное, он клялся, что там в проживает практикующий маг-приручитель! Я было не поверил и навел справки. Действительно, такой человек существует. Практикующий приручитель! В наше время! Представляете?

– Эм, простите, – не разделил восторга Драгомир. – А на ком этот маг практикует? Кого он приручил?

– Огненную саламандру! – незамедлительно воскликнул профессор.

– Саламандра – это..?

– Редкая форма рептилии, – пояснил он. – С пылающим хвостом и буйным темпераментом. В самых первых письменных источниках указано, что саламандры – настоящие огненные элементали.

– Вот кто с легкостью создаст огненные фаерболы! – восхитилась я.

Животинка, которая может пии-пии! Теперь всё понятно. Просто фантастическое магическое создание.

– Возможно-возможно, – профессор со знанием дела покивал. – Если бы не война, я бы нашел способ поехать в федерацию, в ту деревню. Своими глазами увидеть огненную саламандру. Ведь они вымерли, насколько мне известно. Эта особь, должно быть, единственная в мире.

– Вот, – я ткнула пальчиком в грудь Драгомира. – А ты говорил, неактуальный дар. Есть же в мире практикующий маг-приручитель. Значит, уже не ноль процентов. Значит, ошибка в расчетах.

– Это еще доказать надо! – мужчина демонстративно стряхнул мой палец. – Может, там шарлатан сидит и деньги с наивных туристов собирает. Ты же знаешь этих торгашей из федерации, верить на слово им нельзя. А уж в байку про живую огненную саламандру тем более.

Язык чесался поспорить еще, но профессор Разумов прервал нашу перепалку.

– Позвольте ответить на вопрос про востребованность вашего дара. Востребованность – ноль, потому что конкретно в империи нет ни одного практикующего мага-приручителя. Раньше в древности магических существ было больше. Был спрос на магов с даром приручения, которые могли бы совладать с самыми опасными тварями. Некоторым были не страшны ни мечи, ни стрелы, по этой причине магических существ начали истреблять. Это продолжалось много веков и весьма успешно. В данный момент осталась только горстка самых безопасных видов, в специальных питомниках и под наблюдением. Конечно, за очень большие деньги некоторые виды можно достать в личную собственность на аукционах. Но это мероприятие незаконное, сами понимаете. Контрабанда, как есть.

– Положим, но ведь это возможно, достать питомца с аукциона. Значит теоретическая вероятность встречи мага-приручителя и магического создания есть.

Надежда затеплилась в глубине души. Первостепенный план: подкупить денег и купить себе магическое животное. Делов-то!

Желание развивать дар есть. Связи будут, это дело наживное. С аукционом сложнее, но раз деятельность ведется, значит покупатели и спрос имеется. Осталось только заработать денег.

– Элиза, ничего не получится, – тихо предостерег Драгомир.

– Да почему не получится?

– При всём желании молодому магу-приручителю никогда не освоить свой магический дар, – развел руками профессор. – Как я уже говорил, в свободном доступе магических существ не осталось. Чтобы купить его на аукционе, нужны огромные деньги, невероятно огромные. Простому человеку их за всю жизнь не скопить. Да и надо ли стараться? Когда на свете столько всего интересного.

– А вы не знаете, как тот маг из деревни в горах федерации получил саламандру? – задал резонный вопрос Драгомир.

– Купил на местном аукционе, как мне известно. Забыл сказать, тому магу 103 года. Предполагаю, он копил на саламандру всю жизнь.

В груди всё оборвалось...

Не-е-ет! Ждать сто лет ради того, чтобы воспользоваться своим даром? Хотя если работать без выходных и с каждой организованной мною встречи откладывать половину, то...

– Элиза, тебе это не нужно, – остановил Драгомир. – Ты прекрасна без магии. Лучше посмотри, что снова принес твой пёс.

Увлеченная разговором, я не заметила движения внизу. Щенок тыкался в мою правую голень и просил внимания.

– Клевер, – я расплылась в улыбке, глядя на полный рот щенка. Малыш снова принес подарок.

– Тьфу! – выплюнул он цветки клевера, весело виляя хвостом.

– Назову его Клевер, – решила я, глядя, как убегают маленькие лапки. – С общего это переводится как "умный". А в культуре наших южных соседей четырехлистный клевер приносит удачу.

Профессор, потеряв наше внимание, засобирался.

– Драгомир, был рад знакомству. Элиза, – обратился он ко мне, – когда купите магическое создание, а я уверен, что вы его рано или поздно купите, найдите меня. Если буду жив, покажу вам базовые навыки для овладения своим даром.

В сердцах и с надеждой на будущее я распрощалась с профессором. Тогда как Драгомир только коротко кивнул.

– Подпольный аукцион? – вздохнул он, когда мы остались одни.

– Надо бы прицениться, – не стала скрывать намерений.

Я выдержала долгий взгляд, проверяющий на прочность, решимость, силу воли. Мужчина вздохнул.

– Поспрашиваю у знакомых, но ничего обещать не могу.

– И не надо, – понимающе улыбнулась. – Давай не будем ничего обещать.

Страхивая с рук очередную порцию клевера, я шагала вслед за Драгомиром. Сколько мы знакомы? Не больше недели. Разве можно доверять человеку... Хотя кого я обманываю. Доверие – это не про меня.

"Он ничего о тебе не знает", – напомнила совесть и была абсолютно права.

Если я старалась узнать его поближе, то Драгомир ничего обо мне не расспрашивал. Надо ли? Ведь наши отношения временные. Это было ясно с самого начала. Классический "курортный" роман туристки с одним иностранцем. По опыту госпожи Лилии такие романы быстро закручиваются и так же быстро и безболезненно заканчиваются в момент расставания. Сегодня вечером закончится мой. Первый, настоящий, до бабочек в животе желанный роман.

Глава 7. Откровения

Драгомир пригубил чашку теплого чая. В империи чай не пили, пока в нем не окажется плавающих трав, корешков или фруктов. Рецептúra разлилась не по вкусу и граммовке, как в Дашкенте, а по субъективному настроению, ощущению, которое должен вызывать напиток. Для бодрости, для лёгкости, для романтики, для крепкого сна. Даже от избытка лени был подходящий чай. Сейчас Драгомир пил мятный, а я привычек не предала и заказала кофе. В такие моменты брала тоска по дому.

Дворик, где мы сидели, со всех сторон оплели вьюны. В Дашкенте такой дизайн неприемлем, слишком много вьющегося и выпуклого, а имперцам, наоборот, нравилось. Поглядывая на всё это безобразие, я невольно задумалась, а как выгляжу я в глазах одного конкретного имперца. Кажусь ли я ему такой же странной, какой мне кажется его страна. Кажусь ли я ему.. привлекательной?

С силой вцепившись в пирожок с капустой, постаралась скрыть волнение. Вот еще!

Положение спас Драгомир.

– Значит, ты знаешь не только имперский?

– Да, всё так, – сфокусировалась на разговоре. – Знаю пять современных языков и один древний.

– Такое возможно? – подавился он.

– Элиза Кравец, член ассоциации свободных переводчиков Дашкента. Помогу вам в организации торговых и политических встреч!

Я шутливо протянула руку и не ожидала следующей реакции. Драгомир резко прищурился, схватил за запястья и потянул через стол. Прижатая к краю стола, всё, что я могла, это смотреть прямо в небесно-голубые глаза "следователя".

– Значит, ты переводчица? – начал он допрос. – Причем довольно талантливая. Предполагаю, в Дашкенте ты была нарасхват.

Сглотнула, понимая, что наговорила лишнего.

– По какой причине переводчица бросила работу и сбежала в соседнюю страну?

Молча подергала руку.

– Тебя преследуют? У тебя проблемы с законом? – не унимался Драгомир.

– Нет у меня никаких проблем! – с силой выдернула руку и отодвинулась на краешек стула.

Гнев клокотал глубоко внутри. Ровно до тех пор, пока я не взглянула на Драгомира. Каким же расстроенным он выглядел. Ни тени улыбки. В последние дни казалось, мы стали близки, физически, не духовно. На самом же деле между нами была целая пропасть.

Уличные часы на почтовом здании пробили трижды. Вспомнилась церемония с колоколом и забота Драгомира после. Именно в этот момент я подумала, а почему нет? Сама ведь хотела инициативы. Получай!

Сегодня вечером мы расстанемся – других вариантов нет. Драгомир не вспомнит беглую туристку, а я не вспомню бравого командира. Можно потратить оставшиеся крупинцы времени на споры и недомолвки, а можно просто хорошо провести время.

Будто нет никаких преград.

Будто нет никакой войны.

Будто двое людей вдруг решили познакомиться поближе.

Сложив ногу на ногу, как это делала госпожа Лидия, я без страха начала разговор.

– Когда я родилась, мама подарила отцу чертеж музыкальной шкатулки. – Драгомир сдвинул бровь, но мою внезапно явившуюся откровенность не прервал. – В то время они были

штучной вещью. Мама разработала идеальный вариант с приятной мелодией и бесперебойно работающим механизмом. Иногда отец включал ее ночью. Скучал по своей любви.

– А твоя мама...

– Она бросила нас, когда мне был год. Может, как раз у нее были проблемы с законом, никогда не рассматривала эту версию. Всегда представляла ее в плохом свете.

– Наверное, она была вынуждена так поступить. – Драгомир утешал, а я была не против. Держась за руку, как влюбленные подростки, мы двигались по брусчатой набережной.

– Значит, ты выросла с отцом? – Драгомир потянул в сторону.

– Ага. Он не одобрял моей страсти к языкам, но изменить ничего не мог.

– По мне, это здорово. Знание языков – практичный, полезный и востребованный навык! "Не то, что магия приручения", – читалась мысль.

В спину подуло холодом, я обернулась. За нами шумела река.

Наживка заходила в город и петляла внутри, будто некий художник почеркался на карте города синим карандашом. Обилие набережных делало воздух в городе влажным и чистым, с запахом не то травы, не то рыбы. Последней на местных рынках было много. Бородатые рыбаки чинно сидели за прилавками и без лишних слов продавали свой товар. Впервые я видела таких молчаливых продавцов. Они ничего не рекомендовали, не расхваливали. Вся работа выполняла сама рыба, блестящая и ароматная, пятнистая и полосатая, с головами и без.

– Однажды я поймал вот такую же, – ткнул Драгомир в мелкую полосатую рыбку.

Я улыбнулась.

– Зато сам, – обиженно буркнул он. – Хороший был день. Тогда мы с отцом говорили не только о военном деле.

– М-м, твой отец тоже военный?

– До мозга костей, – кивнул Драгомир. – Он посвятил жизнь империи. Дослужился до советника императора. Мы почти не видимся, хотя, кажется, он следит за моими успехами по службе.

– Ух ты, твой отец вроде как военный министр!

– Советник, – поморщился Драгомир. – Иногда ты так странно говоришь. Вроде и на нашем языке, но как-то не так.

Сокрушаться о неидеальном произношении не стала. Какие претензии? У меня, между прочим, диплом есть! Зацепило другое.

– Военный советник по фамилии Гранич...

Мысли заметались в поиске той самой. Как же звали посла империи с командным тоном и страшным взглядом?

– А твой отец случайно не Георг Гранич? – запнулась и ошарашенно посмотрела на Драгомира.

– Ты много знаешь для туристки, – вместо ответа пробормотал он и совсем по-иному в ответ посмотрел на меня. Во взгляде промелькнуло сомнение, граничащее с назревающим разочарованием.

– Стой, – я решила внести ясность. – Я в самом деле знакома с твоим отцом. Я переводила политическую встречу с его участием.

– Он был послом лишь раз.

– Да, – выпрямилась и уверенно посмотрела на мужчину. – Когда империя объявила войну.

С реки потянул мокрый ветер, одновременно всколыхнул волосы военного и туристки, сделал петлю и помчался по набережной. Драгомир наконец понял, что именно его настораживало. Череда совпадений была не случайной.

– Так вот, почему ты не удивилась. Ты знала о войне! Раньше всех нас!

Я молча развернулась и прошествовала к ближайшей скамейке. Да нет же, я не уйду от разговора! Призывно посмотрела на мужчину и похлопала справа от себя.

Над нами свисал старый клен, это придавало уверенности и снова возвращало в Дашкент.

– Помнишь, я говорила, что мне очень нужно в столицу. Это правда. И не просто в столицу, а к императору. Мне нужно как можно скорее поговорить с вашим императором.

– Это сложно.

– Не сложнее, чем вылететь из Дашкента на имперском дирижабле, спрыгнуть с парашютом в самую глушь и договориться, чтобы местный солдат, которого я чуть не придавила при посадке, меня не убил.

– Ну, последнее было не сложно. Ты мне сразу понравилась.

Пихнула локтем наглого солдата.

– Твой отец объявил войну, потому что неправильно понял оппонента, – глубоко вдохнула, – из-за ошибки в переводе. Я неверное перевела кое-что, а когда опомнилась, твой отец уже всё сказал. Понимаешь, переводчик, он же соединяет людей, помогает прийти к согласию. А то, что я совершила – преступление чистой воды. Из-за моей ошибки послы не поняли друг друга, и это привело к самому страшному – к войне.

– Думаешь, император тебя выслушает и отменит это решение?

– Конечно! К чему странам воевать? Из-за слов одной переводчицы? Император обязательно все исправит, когда узнает правду.

– Хорошо.

– Что тут хорошего?

– Ты здесь, чтобы предотвратить войну. Теперь будет легче тебя отпустить.

Настроение совсем испортилось. Солнце катилось к горизонту, что означало одно – совсем скоро придется расстаться по-настоящему.

– Ты не вернешься? – задал вопрос Драгомир, на который у меня не было сил ответить.

– Я слишком люблю Дашкент, – голос дрогнул. – А ты любишь империю.

Драгомир все понимал и будто специально мучил разговором.

– Но ведь ты будешь вспоминать наше путешествие?

– Захочу забыть – не смогу.

Неловко подняла взгляд и утонула в глазах напротив. В них отражалось розовое небо и я. Может, было что-то еще, но досмотреть мне не дали.

Старый клен понимающе качнул ветвями и скрыл двух влюбленных за мощной листвой. Листья посыпались вниз. Подхваченные ветром, они щекотали руки, касались лица, кружились в воздухе и шумно падали на землю.

"Шлеп", – тихо приземлился кленовый лист.

"Шлеп", – громче плюхнулся его собрат.

"Шлеп", – время, отмеренное на прощание, истекло.

Я поерзала на коленях, надо бы отодвинуться, но Драгомиру это не понравилось. Он недовольно выпрямил мне руки по швам, взял за затылок и прижал к себе. Я часто задышала, то ли намереваясь накинуться на него, то ли заплакать.

Говорят, партнеров нужно выбирать по запаху. Это такой природный инстинкт, который на уровне феромонов говорит, подходит тебе человек или нет. Тяжело было осознавать, что этот конкретный человек, судя по запаху, мне подходил весь и полностью.

За спиной послышались семенящие шаги. Обернувшись, я встретилась с глазами мальчика лет девяти. Изумление вызвало то, что мальчика окутывал розовый дым. В точности, как мой собственный.

Что там Драгомир говорил про редкий дар приручителя? Такой ли он редкий, если на улице одного города можно запросто повстречать одаренного той же магией?

– Дяденька, – мальчик перевел взгляд на Драгомира и воскликнул, что есть сил: – Купите морс!

– Что? Какой морс? – отрезвление разума шло медленно не только у меня.

– Вот этот, из белой земляники! Очень вкусный!

Мальчик был одет бедно. Штаны износились, рукава рубашки разной длины и будто из разной ткани. Тем не менее он выглядел здоровым и опрятным. Коротко постриженный ногти, чистое лицо и ровные зубы. Было в нем что-то знакомое, породистое. Либо я уже настолько истосковалась по Дашкенту, что мне в каждом худошавом ребенке мерещится свое, родное.

– Точно вкусный? – Драгомир потряс бутылкой, в которой булькал белый морс с черными косточками.

– Конечно вкусный! Мама готовила!

Мы с Драгомиром синхронно перевели взгляд в пустую корзину в руках ребенка. Похоже, этот морс был последним из тех, что ему нужно было продать.

– Держи, – Драгомир вынул из кармана серебряную монетку. – Обязательно попробую за ужином.

– За ужином? Вечером? – уточнил мальчик.

– Да, вечером.

– Ладно, – кивнул он. – До свидания!

Мы не успели оглянуться, как мальчик исчез.

– Хочешь? – Драгомир протянул бутылочку с густым содержимым.

– Нет-нет, ребенок хотел, чтоб угостился ты.

Повисла неловкая пауза.

– Пора, – решил Драгомир.

– Угу.

– Только не делай вот такое лицо! – возмутился он. – Захочешь вернуться, буду ждать тебя в восточной крепости. Судя по всему, мы тут надолго.

– Я не вернусь... – сердце не позволило добавить "к тебе", это было бы слишком жестоко.

– После встречи с императором я отправлюсь домой.

Кажется, я говорила что-то еще, но получались одни оправдания.

"Хватит убиваться, – заботливо прохрипела совесть – Прощаться надо резко, а ты слюни размазываешь".

Шмыгнув, я постаралась взять волю в кулак.

– Вернёшься, я верю, – Драгомир поцеловал меня в лоб и так же быстро отпустил. – От судьбы не уйти. До встречи, Элиза!

Развернулся и зашагал прочь ускоренным шагом.

Отступив, я рухнула на скамейку и разревелась. Что за романы такие курортные, после которых хочется не радостно прыгать по лужам, а в эту самую лужу сесть.

В ногу сочувственно уткнулся мокрый нос. Не зря я назвала его Клевером, он оправдывал сакральный смысл своей клички. Клевер был чрезвычайно умен и сообразителен. Куда бы я ни следовала, щенок всегда был рядом, готовый помочь, как сейчас.

К концу путешествия мой рюкзак похудел лишь слегка, самой тяжелой и дорогой в нем по-прежнему была книга, консерв не осталось вовсе, зато одежды на смену прибавилось. Из бокового кармана призывно выглядывал билет на паром.

Чему быть, того не миновать. Солнце почти село. Вот-вот прозвучит гудок.

Накинув рюкзак, я позвала щенка и направилась к берегу. Странно, он не откликнулся. Увлеченно копошился под скамейкой, то вздрагивал, то отпрыгивал, то вновь залазил по самые уши.

– Клевер, пошли! – поторопила я, но щенок даже не дернулся. Его белый хвост размахивал из стороны в сторону, поднимая пыль и грязь.

Вид грязного белого хвоста напомнил о морсе из белой земляники. Вкусно, наверное! В моих краях этой ягоды не водилось. Она вообще растет только там где очень жарко и очень влажно, а таких условий в империи не сыскать. Интересно, откуда у бедного мальчика морс из белой земляники?

Белый сок и черные семечки.

Кажется, я уже пробовала что-то подобное в детстве. В попытках вспомнить, мозг выдал картинку отцовской лаборатории.

Маленькая Элиза охраняет папин рабочий стол, он всю ночь трудился над чем-то вкусно пахнущим. Подчинившись головокружительному запаху, маленькая Элиза не выдерживает и заглядывает туда, куда папа просил не смотреть и не трогать. Морсик! Беленький! С семечками! Маленькая Элиза заворуженно хватает бутылку и детским пальчиком откупоривает ее. Один глоточек! Папа не заметит!

Большие резиновые руки резко хватают детский рот и оттаскивают маленькую Элизу подальше. Это папа, как же он напугал! Его губы дрожат, потом начинают бурно шевелиться, голос переходит в крик.

– Никогда! Больше никогда! Запомни, Элиза! Никогда не пей это! Белый сок и черные семечки – это дикий морозник. Его ягоды сладко пахнут, но это яд!

Запомни, Элиза... Это яд...

Запомни? Мне тогда было не больше пяти!

Лицо окатило ледяной водой. Схватила щенка за шиворот и рывком вытащила из-под лавки. Ядовитый уж, с которым он играл, открыл пасть и приготовился делать выпад.

– Прочь! – я топнула ногой. Еще и еще, пока трясущийся от гнева уж не юркнул в кусты.

Из кустов раздалось шипение, щенок залаял, намереваясь драться. А я уже мысленно была не здесь. Схватила рюкзак, покрепче прижала щенка и помчалась с причала. Отцовский голос в голове барабаном отбивал: "Это яд! Элиза, это яд!"

Билет на паром вылетел из кармана. Подхваченный ветром, мятый листок понесся к посадочному трапу.

Глава 8. Яд

Сметая дорожную пыль, я устремилась к торговым рядам с единственным вопросом.

– Вы не знаете..?

– Вы не подскажете..?

– Как добраться до восточной крепости..?

Получалось с акцентом, и если Драгомир и его отряд привыкли к такому общению, то люди на улице шарахались от моих обращений. Тыкали пальцем и презрительно фыркали.

Раздраженные продавцы шурились, покупатели толкались, каждый норовил меня отогнать. Следуя собственным привычкам, эти люди не хотели помогать иностранке. Ни один из них, ранее говорливых и щедрых на улыбку продавцов, не хотел помочь.

– Иди отсюда, бедовая! – отмахнулась какая-то женщина.

– Да что же вы! Мне просто нужна помощь!

Раздался грохот опрокинувшегося стула. Я резко обернулась на звук, а женщины вокруг вздрогнули и попятнулись.

Старый рыбак, всё это время молча наблюдавший из-за своего прилавка, заговорил. Его голос был громким и чистым. Казалось, его слышал весь ряд. А кто не слышал, тот содрогался от вибрации его голоса.

– Справа от ворот статуя, – бросил он в сторону голосистых женщин, и те совсем притихли. – За ней тропа к восточной крепости. Беги.

Второй раз повторять не пришлось. Благодарно кивнула и побежала. Помог! Не прошел мимо, поверил незнакомке.

Совсем как Драгомир при нашей первой встрече. С менталитетом имперцев это было странно. Почему же? Почему он поверил девушке, свалившейся на него с неба? Ведь я правда могла быть шпионом, иметь оружие или что похуже.

"Рожа у тебя милостивая", – буркнула совесть.

Собственные уши заалели.

– Хочешь сказать, я ему понравилась? Тогда, сразу? – я впервые заговорила с совестью вслух. И тем страннее было получить ответ.

"А то! Ты понравилась ему. Он понравился мне!"

Я возмутилась.

– А меня вы спросили?

"Чего тебя спрашивать, мелкая еще, – совесть издала непонятный звук, будто зевнула. – Поторопись, нечего языком чесать".

Солнце окончательно село, шансов у Драгомира оставалось все меньше.

Миновав лесную тропу, я вылетела к дому на толстых сваях. Сваи располагались хаотично, как и стены деревянного дома, построенного не то на пригорке, не то на горе.

– Свои! – изо всех сил крикнула я.

– Черт бы тебя побрал, Элиза! – выругалась Блейк откуда-то сверху.

Задрала голову в поисках лучницы и увидела высоченную деревянную башню над домом. А вот и крепость для "лесных волков".

– Где командир? – спросила в темноту. Я их не вижу, но они точно видят меня. Хоть кто-нибудь точно видит.

– Командир в башне, ужинает, а что случилось?

– Ужинает!? У-у-у!

Бросив рюкзак, я понеслась в башню. Любят же имперцы сооружения с лесенками.

Взлетев наверх, уткнулась в единственную дверь и, недолго думая, распахнула.

Драгомир стоял спиной. Кажется, он не собирался поворачиваться к гостю. Наклонившись над столиком, он пригубил стакан.

– Стой! Не пей!

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.